

Дмитрий Лукин

Из жизни
Димы
Карандеева

Дмитрий Лукин

Из жизни Димы Карандеева

«Издательские решения»

Лукин Д. В.

Из жизни Димы Карандеева / Д. В. Лукин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909416-2

Новая книга Дмитрия Лукина — это продолжение некоторых сюжетных линий книг «Коврово» и «Весенний дуэт», а также двенадцать рассказов (включая 2 готических рассказа ужасов), мистико-юмористическая вещь «Тайна подмосковного поселка» и роман-семейная хроника. Автор выражает благодарность компании STUFF MEDIA за помощь в издании книги.

ISBN 978-5-44-909416-2

© Лукин Д. В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Дачные утра	7
Эти манящие деревья	9
«Кирр-рилл!»	10
Необратимость	12
Струны	16
Джаз	18
Гастроли	23
Лина, которая умела летать	28
Семинар	31
Дом	35
Дом на окраине деревни	40
История одного литератора	48
Тайна подмосковного поселка	63
Глава 1. Приехали	63
Глава 2. Дом	67
Глава 3. Пообвыклись	70
Глава 4. Вечер первого дня	72
Глава 5. На следующий день	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Из жизни Димы Карандеева

Дмитрий Викторович Лукин

Редактор Наталья Баева

Корректор Елена Фиссер

Корректор Светлана Игнатова

© Дмитрий Викторович Лукин, 2018

ISBN 978-5-4490-9416-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Читая современную прозу, порой устаешь – то от чрезмерного желания автора создать нечто гениальное, от излишнего «умничанья», за которым часто, как ни протирай глаза, ничего действительно стоящего найти не удастся; то от броских сюжетных поворотов, надуманных и уже давно не оригинальных; кто-то «пыжится» вскочить на подножку поезда, уходящего в вечность, кто-то, наоборот, в погоне за сиюминутным успехом расходует свой талант на «мыльные пузыри»... И уже хватаешься за голову: где же тот писатель, который и «слово в простоте» скажет, и какой-никакой психологизм обнаружит в своем творении, и от «жизни» не так уж далеко убежит, – в общем, где же тот умный и добрый собеседник, с которым хочется посидеть часок-другой, в историях которого – с юморком, с эдакой хитрецей-мудрецей, – словом, в остроумных и теплых историях можно узнать и самого себя, и своих старых друзей, и просто окружающих людей? И когда вы потеряете уже надежду, вдруг попадутся вам в руки книжки Дмитрия Лукина, которых до этой самой, что вы держите сейчас, вышло уже две... И вот, пролистнув одну за другой пару страниц, вы вдруг обнаруживаете себя погруженными в такой удивительно-обыкновенный мир автора, знакомый и одновременно незнакомый каждому человеку. Потому что у каждого человека было детство. И это детство, как солнечным лучиком, просвечивает все творчество Дмитрия Лукина. А всё, наверно, начиналось с того, что, как и тезке-персонажу одной из повестей-романов, «Диме нравилось слушать». А потом и записывать – услышанное, увиденное и пережитое. А что может быть мудрее, интереснее и даже авантюрнее, чем сама жизнь? Итак – тс-с-с-с! Тихо! У вас в руках новая книжка! А это – новый угол зрения, если истории уже стары как мир, и новые приключения, если случаются они впервые...

*Наталья Баева,
гл. редактор литературного
интернет-портала «Артбухта»*

Дачные утра

Дима любил вспоминать солнечные утра на мининской даче.

Вот оно счастье: соседка, пышная украинка тетя Света, идет на пруд с двумя своими детьми – Петей и Лерой. Петя и Лера – малыши пяти и трех лет, но Дима любит бывать у них на участке и играть с ними. Их бабушка, старая сгорбленная Мара Лазаревна, рассказывает Диме и Кирюхе о своей жизни, учит играм и карточным фокусам.

Сын Мары Лазаревны – Олег, с лысеющей головой и курчавыми волосами на груди, торчащими из вечно расстегнутой клетчатой рубашки. Кажется, даже на работу он ходит в обычных тапках и трениках, или это нашему герою так мерещится из-за того, что Олег постоянно сидит в этом своем наряде за столом и играет в карты с хозяином их съемной дачи – армянином дядей Костей Саргсяном, очень русским по сути человеком. У дяди Кости на участке всегда слышны народные песни, а еще бластные, и вещают на всю округу из магнитофона известные юмористы.

Диму удивляет, что Петя и Лера говорят с небольшим акцентом. Да, он знает, что вся их семья приехала в Москву совсем недавно. Петя говорит «стОляр», и это Диму веселит.

Солнца на пляже уже стало меньше, но день все равно такой затянуто жаркий, что идти купаться просто необходимо. И таким взрослым чувствует себя Дима, которому около десяти лет или чуть больше, ведь родители отпустили его купаться на пруд почти одного, ну разве что немного с тетей Светой. Ведь Кирюху, который всего на полтора года младше, ни за что бы не отпустили!

Диме кажется, что тетя Света общается с ним совсем как со взрослым. Вот их маленький отряд приходит на берег пруда к лягушатнику и занимает на удивление оставшиеся пустыми самые лучшие места.

Тетя Света говорит своим детям, чтобы играли поблизости.

Сама большая тетя Света лежит на покрывале, и на ней зеленый купальник, а маленькие Лера и Петя в одних трусиках играют в песочек, разбросав чуть ли не по всему пляжу свои формочки и ведерки.

Дима сквозь кишачий людьми пляж проходит к воде и у самого берега встречает своего старинного товарища Борю. Боря – худой курчавый паренек. Они увлеченно беседуют, так что Дима на время даже теряет из вида окружающий мир, а ведь это его любимое занятие – наблюдать за людьми!

Потом он плавает и опять смотрит на купающихся и на такой яркий и удивительный солнечный закат. Какая-то грусть охватывает его при этом, хоть радуется, что день еще не закончен, и дома их с Кирюхой еще ждут интересные игры...

Старый армянин дядя Костя Саргсян, наслушавшись своих любимых песен и распив с Олегом и соседом дядей Марком водки, как-то вышел в трениках и белой майке на дорогу и долго занимался тем, что обкладывал цементом близлежащий люк. А когда дело было закончено, довольный, постоял возле творения рук своих, и даже крякнул от удовольствия, а потом ушел обратно в калитку продолжить карточную игру.

Дима с Кирюхой и приятелями, недолго думая, подскочили к не успевшему засохнуть цементу и, не сговариваясь, понаписали на нем свои имена. Потом немного постояли, как дядя Костя, возле люка и разбежались играть. А через полчаса всю улицу огласил чудовищный вопль – Саргсян ругался и искал виновников.

Когда он нашел ребят и они, опустив голову, стояли возле люка, старый армянин, не переставая, укорял их: «Я так старался, а вы! Куда только смотрят ваши родители! Кого они вырастили!» Ребятам было стыдно... Потом они дружно помогли дяде Косте замазать свои

«художества» новыми порциями цемента. И дело это показалось им не менее занятым, чем предыдущее.

Эти манящие деревья

С возрастом ребята стали лазать по деревьям.

Дима любил это увлекательное занятие. Глядя на дерево, он мечтал о независимости, о чем-то своем, опять же об уюте, в котором будет недостижим.

Ему страшно, но одновременно его тянет представлять, что когда-нибудь он не сможет забраться от кого-то очень злого на самые высокие ветки, и тот его схватит. Дима лазает по деревьям лучше всех и часто рискует – в Москве лучше него лазает только Ваню, маленький добрый второклассник, которого хулиганы Федя и Сеня обзывают «Ваню – г... но».

Детский взгляд Димы вверх всегда оценочный: можно ли залезть на этот дуб? Не высоко ли нижние ветки? Он был так счастлив, когда залез на одно дерево, которое давно приметил. Даже засыпая, он мысленно выбирал какой-нибудь тополь или липу во дворе. На следующий день выходил и примеривался к нему.

В Минино Дима мечтал залезть на сосну, но как высоко находятся первые ветки!.. А ведь «Ваню—г... но» залез бы и на сосну, и на столб, а ему, Диме, это не по зубам. Дима часто лазает на ветвистое дерево, что у самого забора соседа Саргсяна. Тот ругается, говорит, что когда-нибудь ребята свалятся прямо на острые штакетины. И вот как-то дядя Костя приставил лестницу, забрался по ней и спилил все нижние ветки, но Дима успел – почти на самой верхушке до сих пор, должно быть, висят обернутые в бумагу фантики из-под жвачек и записка – объяснение в любви Полине. Да, наш герой иногда представлял, что упадет с дерева, но так манил его этот взгляд вниз с каждой новой ветки, что выше предыдущей... Видеть все и иметь возможность сидеть бесконечно долго... Видно участок Коли Иванова по прозвищу Полено и свой участок... Дима наблюдает, как кто-то выходит из калитки, и получает удовольствие, волнуется оттого, что никто не видит его, и даже когда закричишь, позовешь своего друга с такой высоты, он только через какое-то время поднимет голову и совсем не сразу увидит тебя в листве, если вообще увидит. Дима устраивает на ветке наблюдательный пункт и следит отсюда за Полининым балконом. А вот она сама проходит под Димой и не знает, что он смотрит на нее. Диме так хочется крикнуть ей про свою любовь...

И так охота проспать на ветке всю ночь, привязавшись к дереву веревкой, взяв с собой еду – Дима прочитал про такое в какой-то книжке, а значит, такое возможно...

А главная мечта Карандеева – прыгнуть из своего московского окна на высокие березы и тополя, что рядом с домом; он уверен, что ему обязательно удастся уцепиться. И такие мысли были задолго до просмотра первой части фильма про героя Джона Рэмбо, который прыгал со скалы на деревья и всего лишь пропарывал себе руку. Дима же был уверен, что останется невредимым и будет спускаться по дереву с ветки на ветку, заглядывая в окна квартир своего дома, хоть это и нехорошо.

Как-то Диме снился очень страшный сон, в нем его собственная мама вдруг превратилась в кикимору, и, спасаясь от нее, сыну пришлось прыгнуть из окна и цепляться за деревья. А мама-кикимора во сне пыталась забраться рукой ему под ребра и хохотала... Дима не помнил, удалось ли ему спуститься по веткам вниз – от испуга он проснулся.

«Кирр-рилл!»

А после ночи опять счастливое утро... Дима и Кирюшка спозаранку играют. Тетя Вира выставляет им в сад раскладушки. Диме особенно нравится, когда раскладушка изголовьем стоит в кустах, которые растут вдоль длинной аллейки – от калитки до крыльца. У него опять чувство, что за кустами его не видно, а он видит всех, кто проходит мимо забора – наверняка увидит и Полину, если она пройдет. Кирюхина раскладушка цветная, у Димы – брезентово-зеленая, она завалена все теми же «Веселыми картинками», книжками и даже пластинками, и он опять рассматривает своего любимого «Аладдина»...

Бывает, что раскладушки ставятся в другой части участка под яблонями... Маленький Карандеев боится лежать в шортах – один раз пружиной сильно ущипнуло ногу, и ему даже хотелось заплакать, но он вспомнил о Полине и сдержался.

Дима с Кирюшкой играют, а вокруг солнце, звуки птицы со всегда одинаковой трелью – «ске-ке-кет-скет-скет», огромный участок с садом и грядками, яблонями, кустами малины и красной смородины... Яблони заслоняют от ребят крыльцо. Иногда они передвигают раскладушки почти к самым кустам смородины, но тогда вдруг пугаются, что хозяйка дачи пожалуется на что-нибудь тете Вире – хозяйка всегда чем-то недовольна, у нее такое строгое лицо, а сейчас ребята так близко к ее огороду...

И Диме даже иногда бывает обидно, что на совместных посиделках за большим столом на «хозяйской половине» Кирюхина мама, которую Дима зовет просто по имени и от этого чувствует себя взрослым, так улыбается хозяйке дачи, ведь та такая злая и недовольная. Но на совместных праздниках мысли эти отходят – так нравится ребятам всеобщая радость и веселье. Они долго сидят за отдельным столиком и пьют на всех посиделках только сильно разбавленный сироп, который называют «ром», чувствуя себя при этом самыми настоящими пиратами.

Интересно, почему почти вся мининская детвора любит срывать смородину, крыжовник или вишню с чужих огородов, а Диме и Кирюхе это совсем неинтересно? У Пети и своих кустов на огороде достаточно, а его хлебом не корми, дай только перемазаться, напихав себе за щеки ягод с орехановского участка...

За качелями за невысоким кленом – две большие горы чернозема. Так тянет забираться на него, хоть это тоже запрещено хозяевами, но все равно скоро Дима и Кирюха будут играть, что эти кучи – бизоны, и станут всаживать в чернозем стрелы из лука.

Или все тот же зеленый столик и пляжный раскладной стул бело-сине-коричневого окраса – это у Димы, у Кирюхи же маленький деревянный с прорезью у верха спинки. За столом этим ребята всегда что-то рисуют, раскрашивают.

А вот еще одна из их игр. Дима и Кирилл – рыцари, которые скачут куда-то на конях и до означенного пункта им надо проехать столько-то кругов вокруг зеленых кустов. Дима ездит на маленьком голубом «Школьнике» старой модели с двумя рамами, который купили еще его сестре, у этого велосипеда эмблема оленя на руле. Кирюха же едет на своем «Школьнике» новой модели. Конечно же, Кирюхин велосипед Диме нравится больше, потому что похож на маленькую сильную лошадку, которые были у татарских воинов, когда они двинулись завоевывать вселенную. Ребята ездят кругами, и вот с крыльца раздается тети-Вирино знаменитое: «Кирр-рилл!» – строго, угрожающе и одновременно любя. Наверное, в то время у тетиного голоса уже была эта интонация, которая слышится Диме и сейчас...

Кирюхе нужно идти спать – он еще спит днем, а Дима уже нет и очень этим горд. Кирюха говорит: «Ща-а-а-асс, ба-а!» и наши герои продолжают ездить – уж больно много осталось кругов: нельзя спать, не доехав до пункта назначения.

Тетя не понимает и снова: «Кирр-ррилл!», и опять недовольное его: «Ну щас-с-с-с, ба!..».

Но ничего не выходит – еще не приблизились к цели. Наконец Кирилл вынужден пойти спать, оставив свою «лошадь» у дерева, а Дима обещает ему, что как только отъездит нужное количество «милей» на своем коне, доездит столько же за него на его велосипеде. Кирилл уходит успокоенный, а Дима честно выполняет обещание, хотя Кирилл и с трудом доверил ему свое имущество.

Докатав круги, Дима ставит «лошадей» в сарай, что на дальнем конце участка и всегда запирается на замок.

Карандеев завидует Кирюхиной зеленой машине, похожей на настоящий «Москвич», с громкой кнопкой на руле. Машина кажется такой большой, и Дима счастлив, когда ему выпадает возможность в нее залезть. Он просит папу купить ему такую же, но папа говорит, что она для Димы мала, и он сам видит, что колени его вылезают, с двух сторон обнимая руль. Зато Кирюхе в этой машине всегда хорошо, он умело фырчит ртом и жмет на клаксон. Потом ребята начинают катать друг друга по участку в зеленой траве, шишках и древесных корнях. Машина там плохо ездит, и они хотят выкатить ее за забор, но тетя Вира опасается за «охламонов» и пугает их настоящими машинами. А Диме даже перед сном иногда представляется, как он едет на зеленом Кирюхином «Москвиче» и вовремя успевает поворачивать руль.

Необратимость

Высоко стоял ее двенадцатизэтажный дом. Кречетом перелетным, вороном оборачиваясь, Сережа, ей-богу, не раз был тут. Сидел на трубе и ощущал ее под собою. Рентгеном птичьего взгляда просвечивал дом и находил этаж, что где-то посередине первого подъезда, мысленно звонил клювом в нужный звонок. Его воспоминания и фантазии были едины – она в них была уже другой, а впрочем, разве он знал, какой была она на самом деле?..

Когда он увидел Алину впервые, его пылкое детское воображение тут же совместило ее с прекрасными девами из рыцарских романов, пленными сарацинками, Кармен или другими роковыми цыганками, готовыми принять смерть – только б не потерять волю.

А ведь был такой дворник, который каждое утро убирал ее двор и видел Алину, выходящую на улицу, идущую сначала в школу, потом на работу. У дворника была семья, которая не подозревала, что он метет асфальт перед ее домом, и как-то при этом семья его спокойно жила... А может, беспокойно?.. Были соседи, которых если расспросить, то они много расскажут об этих людях, о любви ее мамы и папы. Сколько счастливого случилось с нею в этом доме; здесь она засыпала, мечтала, приносила с собой мысли о ком-то, кто, конечно же, подходил ей больше простого кречета, которых так много в зоопарке на «Баррикадной». Сюда приходили ее подруги, чтобы обсуждать с Алиной в том числе и ее поклонников, их перспективность. Можно себе представить, что бы они сказали о выгоде ставки на молодого кречета, который при лучшем исходе может стать только любимцем детей, которые кормят его с ладони, и он не ущипнет их.

Ребята всего только обзывались на дедушку: «Дедушка Сумак» – то есть, сумасшедший, а он лишь поднимал голову и грустно смотрел на них, а потом продолжал свой путь, загребая по земле ногами, издавая странные урчащие звуки, пиная шишки носами потертых кожаных сандалий.

Преобразование произошло неожиданно: старик, в которого Сережа и другие мальчишки вздумали кидаться шишками, над которым издевались, проклял Сережу, и мальчик стал превращаться в разных животных – то в кречета, то в ворона, то в волка, то во льва...

Сережа летал и смотрел за Алиной, когда она ходила в школу, он созерцал ее класс с подоконника и не понимал только, почему ее одноклассники могут спокойно сидеть на уроке и заниматься отвлеченными вопросами – математикой, химией или чем-то еще, а не просто смотреть на нее? Почему директор не введет в школе специальные уроки – «Смотрение на Алину»? При чем не факультативно. Странная, недостойная Алины школа, а еще с вывеской «спец»... Но нет, самая-самая лучшая школа, школа для избранных в хорошем смысле, и ему просто нужно изучить тех людей, которые учатся вместе с ней, потому что с ней рядом могут быть только неординарные, выдающиеся личности. Куда ему до них, вороне проклятой!..

Вот однажды он полетел за ее подругой, с которой Алина сидела за партой, и та, конечно же, оказалась совсем необычной девочкой. Весь день она читала книжку, пока Сережа сидел на ветке за окном. Потом подруга за письменным столом делала задания, затем болтала по телефону, возможно, с Алиной. А потом подруга и Алина встретились и вместе пошли в кинотеатр, что рядом с Алиным домом, на фильм про мушкетеров. И они глядели в экран и не представляли, что Сережа никогда не стал бы мушкетером, потому что он не может держать шпагу ни крылом, ни когтистой лапой.

Сережа видел, как Алина гуляет с собачкой в солнечном сквере, что через дорогу от ее дома. Собачка, которая показалась Сергею такой доброй и даже в порыве крайнего озлобления не способной вырвать ни пера из его, Сережи, хвоста, бегала и веселилась в траве. А сама

Алина ходила такой походкой, что Сереже хотелось попытаться повторить за ней ее очень женские движения. Но он тут же опомнился, когда пошевелил крылом. И еще он не представлял, как может из походки Алины получиться через много десятилетий согбенная походка ее бабушки, про которую Алина когда-то, удивив его, сказала, что ту в молодости обожали мужчины. Но он полюбил ее бабушку такой, какой она была, потому что это бабушка Алины. Но нет, никогда Алина не будет старой и некрасивой!..

Вместе с ней он смотрел через окно детские фильмы про школьников-озорников, которые были влюблены в одну симпатичную большеглазую девочку. С грустью Сережа думал, что когда был мальчиком, он был слишком правильным по сравнению с этими настоящими хулиганистыми ребятами. Они шалили, подкладывали друг другу кнопки, опускали головы, когда их отчитывала классная руководительница. Ничего подобного Сережа не устраивал, хотя мог бы, если бы... И понимал: «Да, в меня нельзя влюбиться!» Особенно ему нравилось, когда ребята танцевали и пели – ведь он сначала думал, что эти фильмы стали бы лучше, если бы в них не было этих дурацких песен и танцев, которые детям не нужны. А теперь ему так хотелось танцевать, как они, делая такие, казалось, простые движения, но Сережа...

Однажды он напал в подворотне на того, кто явно со злым умыслом поджидал Алину и ее подругу.

Рыжий мужчина с неприятным щербатым лицом изогнулся и держал руки за спиной. Сережа видел, что за пазухой у рыжего есть нож, и до того, как спрятаться в подворотне, он долго следил за девушками. И Сережа полетел, он стал каркать над ними, даже привлек их внимание – задел ее подругу крылом, кричал и бесновался, а подруга сказала Алине что-то такое, из чего Сережа уяснил, что его не поняли. И тогда он полетел к подворотне и кречетом сверху свалился на того рыжего и ударил прямо в лоб, стал бить клювом и крыльями. Рыжий отбивался, матерно ругаясь, Сережа бил в одну точку, и кровь текла по лицу мужчины, и рыжий кричал уже совсем громко. Алина с подругой повернулись и пошли другим путем, в обход.

А однажды, уже лет через десять, Сережа долго думал, нападать ли на того, с кем она встречается? Может, задолбить его прямо в темя или выклевать глаза? Но вспышка ярости прошла, и он вспомнил, что тот молодой человек нравится Алине, и даже сам из-за этого почувствовал к нему что-то теплое. И Сереже все только думалось, достаточно ли тот парень ее любит? Не обманывает ли, и один раз он даже проследил за молодым человеком, но он уважительно относился к старшим, не ругался матом и каждое утро без опозданий выезжал на работу на чистой белой машине. И ворону уже начало казаться, что ему делается спокойнее, что он доволен и счастлив, потому что счастлива она, но... Алина поссорилась с кавалером. Сережа видел в окно, как она плакала и не брала трубку, когда молодой человек ей звонил. Сережа не мог понять, что произошло. Тот парень дежурил у ее подъезда, Алина выходила на балкон, а потом отворачивалась и уходила. А потом он исчез, и даже ворону стало грустно.

Потом у Алины был муж. Он появился как-то совсем внезапно, и Сережа ничего не мог поделать. Сережа ломился в окно в их с мужем первую брачную ночь, даже разбил стекло, но они не расслышали его, а он пытался залететь внутрь черной комнаты, но порезался об осколки и стал падать вниз и упал на чей-то балкон. Там его нашла маленькая девочка, Алинина соседка. Она ухаживала за ним и лечила, а ему так хотелось умереть, и он закрывал свои черные, в тот день вороньи, а не кречетовы глаза, но смерть все не приходила.

И вот как-то на улице он напал на ее мужа, налетел на него, бил перьями, пытался стащить у того с руки блестящее обручальное кольцо, а муж только отмахивался от него. А потом муж взял палку и чуть не попал по Сереже. И тогда Сережа превратился во льва. Он зарычал на мужа, отгоняя со своей территории и от своей самки, но муж откуда-то взял большой обруч, и молодой лев как-то неожиданно для себя стал прыгать через него, застывая после каждого прыжка на одной из клумб возле Алининого подъезда.

Потом Сережа сидел на ветке рядом с ее окном, когда она играла с ребенком, и ему очень нравился ее ребенок, ему так хотелось научить его летать, но он не мог этого сделать. Один раз он приблизился к нему, походил по песку рядом с песочницей, и тот, еще плохо произнося слова, сказал:

– Мама, смотри, какая пицца! – и показал на Сережу лопаткой.

– Не трогай птицу, Сережа, она может быть больная!

«Сережа!» – у ворона от удивления даже раскрылся клюв, и ему показалось, что ему удалось улыбнуться. «Да, я совсем-совсем больная птица», – подумал он.

«Она не за границей, не в Голливуде, а сидит на лавке в простом московском дворе! Проста как правда!..» – проносились мысли в вороньей голове.

Алина читала маленькому сыну стихотворение Эдгара По про ворона, а птица-Сережа слушал:

Как-то в полночь, в час угрюмый, полный
тягостною думой,
Над старинными томами я склонялся в полусне,
Грезам странным отдавался, вдруг неясный звук
раздался,
Будто кто-то постучался – постучался в дверь ко мне.
«Это верно, – прошептал я, – гость в полночной
тишине,
Гость стучится в дверь ко мне».

Ворон смотрел и опять думал, как прекрасна Алина, любящая своего сына, как мудро ее лицо. Ведь, если бы она была с ним, с Сережей, она не была бы такой, все было бы по-другому, так, как не должно быть... Ведь она ни за что не захотела бы стать птицей, она бы как-то очень мудро поступила и... Да он и не простил бы себе, если бы она согласилась превратиться ради него. Он умер бы от желания найти для нее лучшую долю.

И вот Сергей впервые приехал к ее дому. Не прилетел, а приехал и... кажется, ничего не понял. Он не мог внюхаться во впечатления от произошедшего. Вот вроде стоит у ее подъезда, может наклонить человеческое ухо к камню ступеней и слушать его, ведь камень – он свой, он знал ее всегда, еще дольше, чем Сережа. Да и камни живут даже дольше воронов. Этот камень был тут и тогда, когда однажды Сережа волком прыгнул-перекатился, кречетом перелетел, сел на трубу, что над этим самым подъездом...

Вот теперь он готов к этой встрече! Он модно одет и хорош собой. А она ругалась с мужем – он слышал, когда еще был птицей.

Но расколдованный, он не знает, что произошло с Алиной за время его отсутствия. Он опять человек, потому что отыскал дедушку Сумака и попросил у него прощения. Дедушка оказался совсем не злым и сразу простил Сережу. Но почему это не могло произойти раньше? Почему? Зачем столько времени Сережа был совсем не тем, кем надо! А жизнь человеческая ведь еще и намного короче вороньей!

Какая печаль и грусть в Сереже... Ему хочется разыскать Сумака, чтобы тот снова заколдовал его, потому что такая дурацкая штука жизнь, глупее некуда!..

А все потому, что долго стоял он, уже готовый подняться по ступеням ее подъезда, но вдруг услышал разговор прилетевших ворон – он еще не научился понимать язык птиц...

Оказывается, Алина теперь живет в Париже со вторым мужем. Что же, Сереже теперь боготворить ее новый подъезд и парижского полицейского, что стоит на перекрестке около ее дома, не представляя, какую ценность охраняет?

Черт возьми, пока Сережу расколдовывали, прошло, наверное, двадцать человеческих лет...

Струны

Он опять жаловался на руки – теперь разминаться надо долго, несколько часов, да и после этого пальцы отказываются «бегать» по струнам. То ли было когда-то, а в тот день, казалось, дочь не слышала его причитаний, мешала ложкой в кипятящейся на плите кастрюле. Жалобы отца были привычны, но нельзя было назвать его нытиком, отец был скорее молчуном и человеком, переносящим страдания стиснув зубы.

Кряхтя, красивый седой старик двинулся по комнате и сел на табурет...

Когда-то он был силен и молод, он мог играть ночь напролет, его не отвлекали зрители, которых был полный зал. Хотя он и по-доброму к ним относился, его манила, любовно звала она одна – его гитара. Он смотрел на нее, и в этот момент его глаза светились чем-то особым. Он подпевал ей губами и улыбался. Он трогал ее руками, а она отзывалась музыкой, какой-то большой и непознанной энергией...

Публика оглушительно хлопала, зрители вставали с мест...

В молодости он играл с самим Эдвардом Бертоном. Тогда перед концертом он страшно волновался, и поначалу ему даже казалось, что пальцы не слушаются его. А потом был только он и его гитара, и опять долгие аплодисменты публики.

Была гитарная дуэль со знаменитым Сигурдом Свенсоном, самым техничным гитаристом мира, гитарным Паганини того времени. И тогда он с честью выдержал тот бой. Не сказать, чтобы он был виртуознее Свенсона, но он оказался музыкальнее. Для Советского Союза это было победой.

В детстве отец забирал его из школы и сажал за гитару. И парень играл часами напролет.

Иногда отец брал сына с собой слушать оркестр, в котором работал. И тогда мальчика впервые увлекло звучание различных инструментов, его мысли плыли в облаке звуков, он пытался вслушаться в игру гитары, казалось, он различал ее джазовые аккорды в общем потоке музыки.

Сначала в его жизни были ноты Барриоса, он играл этюды Джулиани и Каркасси, к четырнадцати он освоил медиатор и играл уже на электрогитаре.

Съемки для советского телевидения начались, когда ему исполнилось двадцать. Он исполнял свою пьесу в испанском ключе, на сцене за его спиной при этом танцевали цыганки из театра «Ромэн». Настоящая известность настала, когда он виртуозно сыграл «Хабанеру» в новогоднем «Голубом огоньке».

Как-то ему позвонили с телевидения и сказали, что необходимо выступить на разогреве у знаменитого испанца Гонсалеса Риаса. Он был готов. Риас восторгался игрой русского гитариста, и в гримерке после концерта просил его показать, как тот держит медиатор.

Когда старик был молод, он два года играл в дуэте с великим Александром Кедровым, славившимся обработками русских народных песен и романсов. В то время он и сам сочинял много великолепной музыки, государственное музыкальное издательство печатало ноты, и они расходились большими тиражами по необъятному Союзу. Это Кедров, впервые услышав игру новой звезды, сказал, что перед ним большой талант, и просил его играть больше именно своей музыки, ведь настоящий гитарист должен всегда играть только свой материал.

В двадцать пять он женился на красивой, похожей на цыганку женщине. У них родилась дочь. Жене не нравились громкие звуки гитары, летавшие под сводами квартиры в сталин-

ском доме. Через какое-то время пара рассталась, и музыкант остался один с дочерью. Бывшая супруга любила праздную жизнь, застолья и компании, и ей было не до ребенка.

Он играл и в Кремле, на светских приемах, ездил выступать в страны соцлагеря; побывал и в США, где познакомился с великим Эдвардом Бертоном.

Он сочинил множество гитарных пьес. Его дочь, игравшая на пианино, любила переключать произведения отца на близкий ей инструмент. Отцу нравилось, как звонко и по-новому они звучали. Звук фортепиано был прекрасен, и мелодии находили новое воплощение...

Дочь умерла от сердечного приступа в пятьдесят три года, внуков у старика не было. Странно, говорят, что гитаристы чаще всего умирают от болезней сердца, но на этот раз жизнь распорядилась иначе.

Старик на похоронах не плакал, а стоял, немного сутулясь, около могилы, и в голове его звучала музыка.

Теперь он играл на Арбате. Он вставал рано и шел сидеть на маленьком стульчике в рядах арбатских музыкантов. Старик оказался тут, потому что его время прошло, а сам «продавать» свои концерты он так и не научился.

Он было ходил к знакомым некогда музыкантам, пианистам Леснеру и Воронину, которых когда-то привел на сцену, с его помощью они стали настоящими звездами, но Леснер сказал, что в его джазовом трио уже есть гитарист, а Воронин – что теперь играет поп-музыку и старику вряд ли понравится такое играть.

Старик играл на Арбате в дождь и слякоть. Прохожие проходили мимо, кто-то останавливался и кидал деньги в открытый гитарный чехол, что лежал у ног музыканта. Его пытались согнать с места то и дело появляющиеся полицейские. Но он всегда возвращался на свое место.

Когда под вечер он ехал домой на метро, то удивительным и новым для старика стало понимание, что пассажиры отсаживаются от него. Он и сам чувствовал, что от него стало нехорошо пахнуть, но вот отсела одна женщина, вот другая...

В тот день старик почувствовал боль в сердце. Неожиданно позвонил старый знакомый, музыкант из тех нескольких гитарных учеников, что у него были. И вот старик вышел из дома и отправился на концерт, думая, что может статься, это «последний бой» в его жизни. Он шел с гитарным кофром в руках, а мысли его опять вертелись вокруг гитары: «Может, хоть следующие поколения научатся призраивать свой талант?.. Может, хоть им повезет?.. Эх, как жалко, что я не воспитал достойную смену...»

Он играл долго. Зал рукоплескал ему, как когда-то, он видел много добрых улыбок. Кто-то даже подарил ему цветы.

Когда старик хотел уходить из ДК, он вдруг услышал музыку, заинтересовавшую его. Это были звуки гитары. Старик подошел ближе к сцене и посмотрел на молодого длинноволосого парня, который появился там после него. Тот творил быстрые гитарные арпеджио, играя что-то вроде каприсов Паганини, но было видно, что перед стариком – не только виртуоз, но и настоящий музыкант. В конце выступления молодой гитарист сыграл одну из известных лирических пьес старика, которая называлась «Струны». Называя так пьесу, старик имел в виду «струны души», своей души.

Старик умер на следующую ночь. Последнее, о чем ему долго вспоминалось, это была его семья: дочь, играющая на фортепиано, и ее смуглая мать. За окном его квартиры дул ветер, шли трамваи, изредка гудели машины, и в этом мире как будто ровным счетом ничего не менялось.

3 марта 2017

Джаз

Посвящается Е. Ч.

– Ой, я волнуюсь, – он слышал, как она сказала это перед тем, как выйти на сцену. И это было так неожиданно, что он еще мгновение продолжал думать о ее словах, когда ее пальцы уже коснулись клавиш и по зале старинного особняка разлетелись брызги шопеновских арпеджио.

Зал был полон, кто-то снимал происходящее на видео, а она общалась с публикой между песнями и фортепианными пьесами, отвечала на вопросы, которые присылали ей в скомканных записках. Она улыбалась искренней улыбкой, не пытаясь казаться слабее, чем есть, как это часто делала ее знакомая балерина, входя в доверие к зрителям и состоятельным поклонникам.

Потом люди с мест называли свои любимые мелодии, и Ольга тут же обыгрывала их в джазе. Публика реагировала бурно, а в конце одной авторской песни из зала на сцену поднялся неловкий сутулый мужчина в пиджаке и подарил артистке цветы. Принимая их, она улыбнулась, позволила ему чмокнуть себя в щеку, и он, краснея от счастья, удалился на свое место так же нескладно, как пришел.

В завершение концерта зал аплодировал Ольге П. стоя, а она была довольна, и не из тщеславия: она буквально искрилась сознанием того, что принесла счастье стольким людям одновременно, одарила их любовью. Это был принцип ее жизни – любовь. Она говорила об этом в интервью, иногда повторяла в микрофон со сцены, отвечая на вопросы публики, иногда эта тема всплывала во время бесед с музыкантами ее оркестра; бывало, она касалась ее в разговорах с посторонними людьми.

После выступлений Ольга вся светилась, ее близкое окружение не могло налюбоваться на нее, и никто не мог понять, откуда в ней столько энергии, и ей приходилось открывать свой простой секрет: «Даря людям любовь, получаешь ее вдвойне».

В тот вечер в старинном особняке в центре Москвы поклонники задарили ее цветами, и, радостная, она скрылась в гримерке, или в помещении, ее заменяющем, за тяжелой изразцовой дверью.

Он же стоял у входа и курил. Ему было поручено взять интервью у известной певицы и пианистки, и он еще совсем недавно сидел за столиком кафе и составлял вопросы.

Он знал, что, кроме концертов в больших залах, Ольга часто выступает бесплатно для людей, не имеющих возможности заплатить за билет. И люди, к которым она пришла, чтобы петь, не верят, что такая, как она, в конце вечера запросто сядет с ними пить чай. Поездки с концертами для детей-инвалидов буквально на край света, областные общества ветеранов войн – она успевала всюду.

Сергей мял в руке листок с вопросами, иногда клал его в задний карман джинсов, а потом снова доставал на свет. Брать интервью у известных людей ему было не впервой – в «Московской афише» он работал достаточно давно, но волнение все равно не оставляло его. Например, совсем недавно он, ощущая неловкость, выпрашивал у одной известной балерины Д. про тернии на ее пути к славе, и та гордо отвечала ему, что ей было несложно, ведь чем лучше ты танцуешь, тем больше тебе платят.

Про Ольгу П. Сергею удалось вычитать в Интернете много интересного. В детстве в музыкальную школу ее взяли с трудом (сказали, что слух и чувство ритма у нее отсутствуют). А через много лет даже зарубежная пресса окрестила ее «Моцартом в юбке» за веселую жизнерадостную музыку, которую Ольга сочиняла. Грустные мелодии в ее творчестве были крайне редки.

Когда, готовясь к интервью, Сергей смотрел в Интернете ролики с Ольгой, ему на ум невольно приходило, в каких разных образах она предстает, как всякий раз непохожа дела-

ется на себя предыдущую. Ольга была то тихой лиричной героиней со скромно подоткнутыми в пучок волосами, то не строгой, но чувствующей свою ответственность за все происходящее на сцене руководительницей джазового коллектива. В другой раз она превращалась в ритмично танцующую исполнительницу самбы или вдруг становилась рыжеволосой красавицей, раскованной, но доброй ведьмой, этакой новой Маргаритой, исполняющей песню «Колдунья»...

В одном из роликов ей подыгрывал гитарист Киселев, знакомый Сергею по юности и еще тогда раздражавший его своим позерством. «Вот проныра, – подумалось Сергею, – я бы такого хитрована в коллектив не взял, у него все равно в игре душевности не хватает, всё пыль в глаза пускает. Но как-то ее очаровал, наверное. Небось, лапши на уши навешал доброму человеку. А толстый какой стал! Все от морального падения!»

Сергею вообще окружающая действительность часто казалась грустной, он не находил в ней такой желанной справедливости, а особенно в последнее время происходящее вокруг – в стране, в мире – вызывало в его душе только грусть.

В одном из телеинтервью, которое привлекло внимание Сергея, Ольга долго рассказывала ведущей про свои фольклорные экспедиции по далеким русским деревням и про свое понимание Родины. Сергею эта тема была близка, и он с интересом выслушал про любовь Ольги к русской музыке и композиторам.

Ему уже казалось, что он готов к интервью и достаточно владеет материалом, но тут на каком-то из сайтов он наткнулся на информацию, что Ольга разведена с мужем и дочку воспитывает одна. Это тоже, в свою очередь, вызвало его удивление – кто уйдет от такой? «Правда, может, ушла она?»

Судя по альбому фотографий на ее странице в «Фейсбуке», летом Ольга ходила с дочкой и детьми с соседних дач на пруд купаться, читала им книжки вслух (они собирались вокруг нее в кружок), и на одном из фото щекастый кудрявый ребенок положил голову ей на колени.

И вот после очередного удачного концерта Ольги П. Сергей дожидается ее около гримерки. Рядом с Сергеем караулит выход Ольги здоровенный охранник. Журналист начинает разглядывать пиджак охранника и считать складки на его шее, и в этот момент появляется она...

– А... это вам я обещала ответить на вопросы? – говорит певица.

Лицо ее довольно, хоть она чуть устала. Для него непривычно видеть красавицу Ольгу так близко, и ему становится немного не по себе. А ведь это он год назад смог «допросить» заезжих знаменитостей Джо Беккера и самого Манчини. А тут хоть и известная певица, но своя, русская – значит, чего стесняться?..

– Если вы не против, пойдете в кафе, – предлагает он.

– Пойдемте, – соглашается она.

Громила в пиджаке шагает за ними по пятам. Ольга кивком головы указывает охраннику остаться возле кафе, и они садятся за столик у окна.

Сергею интересно посмотреть на нее вблизи... Кожа молодая, лицо без морщин, хотя, казалось бы, у часто улыбающихся людей должно быть много морщин вокруг глаз... Еще такие белые зубы, когда Ольга улыбается... Его всегда интересовало, откуда у артистов такие улыбки и чем им надо за это пожертвовать?.. «Интересно, сколько Ольге лет?» – мелькает у него мысль.

– Ну, спрашивайте, вижу по листку, вопросов много написали, – говорит она и смотрит в окно, а он расправляет на столе свой «вопросник» и начинает...

– Большое спасибо вам, что согласились... «Московская афиша»... Меня зовут Сергей... Скажите, Ольга, почему такое внимание джазу? Ведь у нас с этого миллионером не станешь. За джаз хорошо платят за границей.

– Ну, здесь дело не в деньгах. Я знала, на что шла... – начинает она, а он тут же, продолжая волноваться, задает следующий вопрос.

– Скажите, а много у вас было в этом году гастролей? – вопроса этого в списке не было, и Сергей замер от его неумности и детскости. Но певица, не растерявшись, ответила:

– Год был хороший, много гастролей. И в Сибирь прокатилась, и по средней России поездила, в Италии была, в Индии, в Америке тоже. Вообще, график есть на моем сайте. Но важнее всего, что выступала в России. Я вообще считаю, где родилась – там и пригодилась. Это про меня. Не раз предлагали остаться за границей, но я Россию люблю. Нет, повсюду себя хорошо чувствую, но долго жить в другой стране не могу.

– Эх, Рахманинов... – вздохнула она, отвечая на другой его вопрос. – Более русского композитора, чем он, нет... Кто еще так нашу душу передал!.. У него ведь все чувствуешь – поле чувствуешь, рожь чувствуешь... – она на мгновение прикрыла глаза.

Сергею надо было выпросить что-нибудь про личную жизнь, это должно быть интересно публике. Это всегда интересно публике. Ему было неловко задавать такие вопросы, они казались ему слишком личными, но его начальник, главный редактор «Московской афиши», настаивал на подобных выпытываниях. Сергей спросил... и Ольга, опять не растерявшись, шутя, ответила, что хоть до определенного возраста и выглядела как «мальчик в кедах», но были и в ее жизни интересные моменты. И поведала любопытную романтическую историю еще из времен своего обучения в консерватории, как один поклонник, будущий известный композитор, сочинил для нее двенадцать прелюдий в ре миноре. Всех музыкантов оркестра ради Ольги он одел в майки зеленого цвета – это ее любимый цвет – и всю залу украсил обожаемой ею сиренью.

Личная жизнь Сергея складывалась не так радужно, как ему бы хотелось, и совсем уж не была такой, какой представлялась ему судьба Ольги. Журналист развелся, оставил квартиру жене и сыну, а сам теперь снимал комнату в хрущевке.

Сергей приходил к ребенку два-три раза в неделю в означенные дни.

Жену свою он когда-то сильно любил, но потом с ним случилось что-то вроде разочарования в женщинах, и разочарование это длилось уже очень долго. Ну как, как на свете бывает такое, что Мила казалась ему лучшей, а потом стала совсем не близким человеком, с которым нет общих интересов? Тогда, много лет назад, она еще встречалась с другим, а он так влюбился в нее, что пел ей под окном песни, под которые она засыпала. И как же он был счастлив, когда она предпочла его!

«Это было ошибкой, мне не повезло, – все твердил он, спустя годы... – Почему никто не запретил, не помешал, почему не раскрыл мне глаза? Почему так устроена жизнь, что только одна попытка? На вторую квартиру мне уже не заработать, у меня совсем не осталось сил... Чертов капитализм!» Но в итоге Сергей все равно все валил на себя, это он, он виноват во всем. И, пожалуй, так было правильно. Но иногда его настроение давало сбои, и он напивался...

Сын тоже часто его расстраивал. Как отец он все переживал по поводу современных детей – малолетних рабов компьютеров и модных игр.

Когда-то Сергей тоже жил музыкой, он был барабанщиком в группе. Музыка занимала все его время и мысли, но потом надо было кормить семью, и он вынужденно оставил это занятие, хоть и любимейшее, но не приносящее прибыли. Меломаном, правда, он оставался и по сей день – полки в его съемной квартире тоже узнали тяжесть дисков, в основном с инструментальной музыкой. Иногда он с ностальгией вспоминал былые времена и концерты со своей группой, радостных поклонниц, готовых сесть на колени к героям, только что сошедшим со сцены.

– Знаете, Сергей... Ведь вас зовут Сергей? Мне кажется, вы искренний человек, а такое сейчас редкость... Мне почему-то так кажется... По глазам... А искренность – это, наверное, в людях главное...

И вот они уже гуляли в парке вдвоем (Ольга отпустила охранника, сказав ему, что на сегодня его работа завершена). Сергей рассказывал ей что-то о своей жизни, а певица жаловалась на инфантилизм современных мужчин, даже известных, а он говорил ей, что если мужчинам России в больших количествах умирать в бесконечных войнах и конфликтах, то почему бы при жизни не дать им немного пофилонить? Она на это заявление улыбнулась, но возражать не стала.

– И откуда ты такой взялся?! – восклицала она чуть позже. И он понял, что заинтересовал ее.

Сергей говорил ей какие-то комплименты, спрашивал что-то уже для себя, а не для «Московской афиши». Вдруг Ольга остановилась посредине парковой дорожки и после очередного его вопроса с грустью произнесла:

– Ну вот, опять я на пьедестале, а мне так хочется тепла, обычного человеческого тепла...

Сергей проснулся, как обычно, на своем продранном диване в съемной квартире. Рядом с кроватью стояла недопитая бутылка коньяка. Было десять часов утра. Он, как это уже не раз случалось с ним, проспал на работу. Точнее, на небольшую подработку. За окном лил дождь. В стране был очередной экономический кризис, и не так давно Сергею урезали и без того маленькую зарплату.

«Чертов капитализм! Я ненавижу его, – понеслись в голове уже привычные мысли. – С такой зарплатой я не ощущаю себя человеком! Не могу ощущать!»

Но все, что было с ним в таком ярком сне, продолжало явственно стоять перед глазами, Сергея не покидало прекрасное чувство, так напоминающее влюбленность... Чувство, вкус которого он уже думал, что забыл насовсем... Закрыв на мгновение глаза, он снова видел красавицу Ольгу, все так же плавно перебирающую клавиши фортепиано, теперь уже на фоне шикарных интерьеров в холле какого-то величественного здания...

Сергей вспомнил, что сегодня вечером ему предстоит брать интервью у этой известной артистки. Вчера он долго к нему готовился, рылся в Интернете, а потом позволил себе то, от чего уже не один раз зарекался – напился (теперь, когда он жил один, то волей-неволей часто срывался).

И вот вечером Сергей попал на живое выступление Ольги, приятное впечатление легкой влюбленности из сна не покидало его, так что, увидев певицу на сцене, он как будто испытал дежавю.

Ольга спела несколько русских народных песен в джазовой обработке, а также известные джазовые шедевры, «Cry me a river» особенно затронула его душу. А когда прозвучала «Killing me softly» и он невольно стал припоминать некоторые строчки этой песни в классическом исполнении Перри Комо, на глаза навернулись слезы.

Она разбередила мои раны,
Пела о моей жизни,
Нежно убивая меня своей песней.
Нежно убивая меня своей песней.

Он забыл все свои проблемы, так ему стало хорошо. В нем появилось что-то похожее на надежду, веру в неслучайность и ненепрасность происходящего на земле, в то, что все когда-то станут счастливыми в этом мире, полном искажения и обмана, или за его пределами, но обязательно станут счастливыми, не могут не стать...

2015

Гастроли

Посвящается Е. Ч.

Можно ли это было назвать прослушиванием? Дина просто сказала, что ей по музыкантам все понятно и до того, как они возьмут первую ноту или подключат инструмент в колонку. Он был удивлен, но обрадован. Стоял, растерянно улыбаясь, а она энергично ходила туда-сюда, вся в своих мыслях. Ивану показалось, даже напевала себе под нос какую-то тему.

Партии гитары были не сказать чтобы сложные, но Иван знал: схватывать на лету – пожалуй, это не про него. Придется посидеть за разучиванием, но он обязательно справится, в этом он был уверен.

А сразу ли он влюбился? Потом он сам иногда задавал себе этот вопрос, определенный ответ крутился где-то и не находил выхода. Наверное, впервые его внимание приковала к себе ее осанка, когда она сидела за фортепиано. Он наблюдал за Диной со спины, ему захотелось подойти и втянуть носом аромат ее шеи и лопаток, которые предоставлял взгляду вырез ее платья.

С другими музыкантами Иван познакомился на репетиции. Бас-гитарист Чувылкин ему не понравился, он казался слишком самовлюбленным. Барабанщик Илья выглядел жизнерадостным, скрипач Сергей равнодушным, а Антон, про которого Ивана тут же тайком оповестили, что это муж Дины, выглядел усталым мизантропом.

Дина была мила, говорила: «Мальчики, а теперь с первой цифры...» А Иван иногда заглядывался на певицу и не успевал вовремя вступить. Антон был задумчив, иногда вяло раздражителен, бывало, переругивался с Чувылкиным. Казалось, он ревновал Дину ко всем подряд. По-видимому, это были его внутренние проблемы, находящие выход в скандалах. Он ругался и спорил даже с известными музыкантами, с которыми их коллектив сводил концертный график. Порой Дина не знала, что делать с мужем. Иногда со стороны казалось: он сильно ее раздражает. Антон был приятен внешне, но Дина была настоящая красавица – гибкая и пластичная, вокал она спокойно могла бы совмещать с профессией экзотической танцовщицы.

Иногда члены коллектива на репетициях начинали друг с другом пререкаться – Чувылкин чувствовал себя звездой и позволял себе свысока критиковать коллег. Однажды спор Антона со скрипачом Сергеем чуть не перерос в драку. «Ты будешь меня учить аранжировке? Я вообще-то и композиторское заканчивал!» – огрызнулся Сергей на мужа Дины. «А я говорю, это место у тебя никуда не годится!» – не прекращал спора Антон. Через пару минут прозвучало примитивное «Пойдем выйдем!» И только вмешавшейся с какой-то шуткой руководительнице коллектива удалось разрядить обстановку. По музыкальным вопросам с Диной не спорил никто.

Во время выступлений в клубах Дина в гримерке добродушно общалась с коллегами-музыкантами, Антон же, напрягаясь, сидел поблизости, разминаясь на инструменте. Его жена в очередной раз, улыбаясь, заговорила с какой-то «звездой». Антон отложил в сторону гитару и во все глаза уставился на «звезду». Со стороны казалось удивительным, что стоит ревновать к тем, кто только на сцене является воплощением мужественности, а в реальной жизни вряд ли испытывает интерес к женщинам.

На гастролях Чувылкин возмущался качеством гостиниц и в голос кричал, что не желает жить в одном номере с коллегой по группе. Иногда ему вторил Илья. Селились не в шикарных гостиницах. Ивану нравились длинные коридоры с такими, казалось бы, банальными деревянными дверями, обычные завтраки, состоящие из зеленого горошка и сосисок, а Чувылкину, по-видимому, требовался исключительно уровень сервиса пятизвездочного отеля.

Иван постоянно невольно занимался наблюдением за Диной. Как-то он поймал себя на том, что его мучает тот факт, что Дина и Антон поселяются в одном номере. И хоть это закономерно для мужа и жены, но Иван ничего не мог поделать со своей ревностью. Иногда ему хотелось, едва обосновавшись на новом месте, идти и узнавать, как там Дина, что сейчас происходит в ее жизни, и ему казалось обидным и он впадал в настоящее отчаяние, когда подходил к закрытой двери их с Антоном номера. И ничто не могло ему дать еще хоть пять минут созерцать объект своего интереса.

Как-то Иван сделался невольным свидетелем и даже участником скандала между Диной и Антоном. В тот вечер он так же, как и в предыдущий, прохаживался по длинному, совсем еще советскому коридору гостиницы.

Он услышал крики из-за закрытой двери номера Дины и Антона.

– Ты спала с ним? – орал Антон.

Дина молчала.

Дверь открылась. Певица быстрым шагом вышла в коридор, Антон выскочил вслед за ней.

– Я знаю, ты с ним спала! – опять выкрикнул Антон. – Вы исчезали на два часа! Ты вернулась и сразу легла спать.

– Ты – псих! – Дина отвечала спокойно. – У меня просто нет сил с кем-то спать, мы же вчера весь вечер репетировали.

– Нет сил! Сил у тебя как у лошади! Оправдываешься, значит, не права – правило такое! Сука!

Последнее слово явило вспышку в голове Ивана.

Иван поспешно вмешался в семейный конфликт. Он не мог поступить иначе.

– Как ты можешь так говорить! Немедленно извинись! – начал он.

Антон повернулся.

– Заступничек нашелся! – зашипел он. И в следующий момент музыканты сцепились.

Антон ударил Ивана первым. Ивана пошатнуло, но он тут же неумело ответил Антону. Следующий удар его был увереннее и остановил пыл Дининого мужа. Было видно, тому хотелось драться.

У Ивана была рассечена губа, и кровь попала ему на рубашку.

В тот вечер, после драки, Иван уже собирался ложиться спать, но в дверь его гостиничного номера постучали. Это была Дина. Она переступила порог и остановилась в прихожей.

– Мой герой, – сказала она не поймешь как – то ли шутливо, то ли серьезно. – Спасибо, ты защитил мое честное имя.

А потом она вдруг заговорщически ухмыльнулась и продолжила.

– Я верная жена. Я никого никогда не обманываю. Но есть такое правило: если очень хочется, то можно, – произнесла она и в следующий миг поцеловала Ивана в губы, сама открыла дверь номера и в следующее мгновение скрылась за углом коридора. Иван долго еще стоял на месте ошарашенный и очарованный.

В сознании Ивана женщина была интересна ему и не вызывала отвращения, если она выбирала для своих романов (хотелось бы, чтобы не очень многочисленных) людей красивых в широком смысле, выдающихся, мимо которых, что называется, нельзя пройти. При этом она, разумеется, должна быть свободна. На такой можно жениться, такая даст здоровое потомство, не перемешанное с флюидами других мужских генов. Так размышлял Иван. Если же, будучи замужней, поцеловала в губы его, то такое исключение возможно, ведь он, Иван, тоже не лыком шит. Он выделяется из других, он понимает в музыке, знает о ней буквально все. Ведь так

часто мысли его переходят на тему искусства, это его любимая область. И вот опять эти мысли: «Музыка – единственное, что в силах изменить что-то в этом мире. Недаром ее и Лев Толстой из всех искусств выделял. И хоть было уже две мировых войны, но, ей-богу, музыка еще всем покажет – окультурит, смягчит нравы, возвысит!..»

У Ивана была небольшая коллекция гитар, которые он обожал. Он верил, что гитары эти даны ему свыше, чтобы с их помощью он сделал мир лучше. Он любил и гордился ими, знал, что каждая ждет своего часа для напряженной работы.

Концертные костюмы Дины потрясали воображение Ивана. Его притягивали ее платья с открытой спиной (его вообще всегда влекла ее осанка).

Иногда он сильно сбивался с ритма, потому что на сцене заглядывался на нее – на ее волосы, бедра, лодыжки.

По взглядам Ивана музыкантам становилось очевидно, как он относится к руководителю. Кто-то даже усмехался, ведь блаженное выражение лица Ивана было видно на фото, которые размещались на различных интернет-сайтах.

– Да, Дина женщина видная, но ты можешь не открывать от восхищения рот, а то все остается на фотографиях, – посоветовал Ивану Чувылкин; Иван не нашелся, что на это ответить.

Иногда на сцене Дина вступала с Иваном в некое артистическое соперничество, становилась близко к нему, оказываясь при этом почти одного с ним роста на своих высоких каблуках; подмигивала ему. Он же отзывался весьма неуклюже, и все происходящее из зрительного зала выглядело, наверно, забавно.

Во время интервью, когда блистающая улыбкой Дина высказывалась от лица всего коллектива, ведущий передачи пытался с ней заигрывать. А когда очередь говорить доходила до музыкантов, Иван терялся, краснел, заикался, и взгляд его снова невольно перескакивал на Дину, на ее лицо, коленки, босоножки.

Казалось, что Дина рождена привлекать к себе внимание – все находящиеся в студии или зрители в зале откликались на ее энергию, тут же загорались их глаза, и вот они, как казалось со стороны, интересовались в этот миг только одним-единственным в мире и незаменимым объектом их счастья – Диной. В этом было что-то магическое.

Однажды Чувылкин разоткровенничался о Дине.

– Зачем тебе это? – спросил он Ивана перед тем, как начать. – Она не для тебя, она съест тебя с головой. Одумайся.

Но никакие доводы не действовали.

– Ты знаешь, что еще до Антона был клавишник Петя. Так вот... Сейчас он в психбольнице. И это не шутка! Я говорю тебе – она не для тебя. Может, и ни для кого. В ней сидит дьявол. Она ест этих мальчиков... Нельзя попадать в ее поле. Настоящий артист для сцены, а не для личной жизни! – продолжал он, – представляешь, все то, чем она притягивает многотысячный зал, вдруг навалится на тебя? Тут никто не выдержит. Понимаешь, некоторым нельзя в мир, их энергия опасна для окружающих! И даже для них самих. Был до Антона еще артист театральный – Кулиев... Слышал о таком? Да все его знают. Они вроде как даже собирались с Диной пожениться, точнее, это он все мечтал надеть ей на палец кольцо. Но она сбежала прямо накануне свадьбы, передумала – и все тут. Кулиев не знал, что делать – пел ей песни под окнами, «миллион алых роз» у подъезда выкладывал. Но она ни в какую.

Иван слушал с блаженной улыбкой. Он вспоминал тот поцелуй и думал о имеющейся теперь между ним и Диной маленькой тайне.

Однажды Антон в очередной раз сдуру полез разбираться с гитаристом соседней группы – ему показалось, что тот косо посмотрел на Дину. То ли из-за этого случая, то ли еще из-за чего, но через какое-то время Антон и Дина развелись. Неизвестно, кто из них подал на развод, но только Антон выглядел теперь странно. Он почти не огрызался на Дину, был как в воду опущенный, как замороженная Марья-искусница из фильма, которой что воля, что неволя – все одно. Через какое-то время на его место приняли другого музыканта, который вроде справлялся с делом.

Развод Дины был воспринят Иваном как шанс, хоть от Дины и были слышны высказывания: «Я не люблю связывать себя обязательствами», «Сдуру подумал, что я его собственность и хотел меня контролировать».

Но вместе с тем проскальзывали и фразы, которые обнадеживали Ивана: «Хотелось бы найти человека спокойного, надежного, который бы меня любил...» После подобных фраз Иван наполнялся мыслями, что этот самый человек – он. Иван расцветал и всем своим существом начинал предчувствовать Динину взаимность. Кроме этих мыслей, как всегда, были его постоянные размышления о смысле искусства, о жизни в целом.

Частенько на репетициях Дина поучала мужчин, как им быть мужчинами. Один раз заскандалила, что ее не перенесли через улицу на руках. Выкрикивала: «С вами рядом находится красавица, а вы?!» Потом сетовала на окружающих музыкантов, и однажды у нее даже вырвалась фраза: «Я воспитываю из мальчиков настоящих мужчин, а вы...» Но то, что она переживает из-за развода с Антоном, было как-то незаметно. Возможно, она умела скрывать чувства и мысли.

Коллектив выступал в Крыму.

Дина лежала в шезлонге в черных очках и черном купальнике на берегу моря, Иван по песку подошел к ней и сел рядом. Дина была как женщина из рассказа Бунина «Сто рупий». Рассказ этот Иван читал еще в школе. Умопомрачительная красавица в шезлонге, за один взгляд на которую стоит заплатить сто рупий. Воображение Ивана было поражено этой картиной.

Вечером коллектив выступил на фестивале. Среди публики было много журналистов. Они фотографировали Дину и музыкантов группы. После концерта состоялся фуршет, и Дину окружали сплошь известные артисты и деловые люди в белых пиджаках. Были и настоящие бандитские лица, но Дина была приветлива со всеми. Она общалась с известным Гальским – завтра журналисты напишут, что у Гальского наметился роман с восходящей звездой российского джаза. Тут же выяснится, что Дина недавно развелась. Журналисты наверняка что-нибудь про это накачают.

Игорь Александрович был бизнесмен и появился рядом с музыкантами группы совсем неожиданно, и никто не заметил, как он стал кем-то вроде члена коллектива.

Он был маленького роста, лыс, улыбчив и всегда бодр. Откуда-то появилась информация, что у Игоря Александровича интересы в сфере коллекторского бизнеса.

Вообще, Ивану спонсор показался человеком, что называется, не в уровень. Ивану даже почудилось, что от его пальто пахнет чем-то неприятным, в том числе и алкоголем.

От Игоря Александровича зависело многое, как сказал Чувылкин. У него такие связи, а если он раскошелится, то гастроли будут аж в Нью-Йорке и Тель-Авиве, а нет так нет, джаз ведь в России музыка некоммерческая.

Один раз спонсор приезжал с человеком, похожим на охранника, и тот расхаживал около машины, поджидая начальника, исчезнувшего за дверью здания, где находилась репетиционная база.

Самоуверенность Игоря Александровича поражала. Казалось, в мире он видит только себя родимого, а другие люди созданы только затем, чтобы ему служить. Ни капельки не смущаясь своего вкуса, он постоянно слушал шансон, а однажды попросил музыкантов Дининского оркестра сыграть ему «Владимирский централ». Ивану казалось, что какие бы выгоды ни сулило общение с Игорем Александровичем, его хорошо бы уже прекратить. Однако музыканты продолжали за спиной у Игоря Александровича перешептываться и сплетничать, а перед ним стоять навтыяжку.

Ивану казалось, что спонсор плохо воздействует на Дину, дышит на нее дурными флюидами... Но раз ему, Ивану, надо в интересах дела потерпеть его присутствие, то что ж, надо на время смириться.

– Извините, вы не могли бы немного подвинуться, я пройду, – попросил как-то Иван Игоря Александровича, пытаясь протиснуться через толпу музыкантов, стоящую перед спонсором.

– Сто баксов, – ответил Игорь Александрович и в голос захохотал.
Делано захихикал Чувылкин и еще некоторые.

Как-то Иван шел в своих грустных мыслях – хоть концерт порадовал его, но в целом на душе было как-то беспокойно. Он решил заглянуть в номер Дины, чтобы что-то с ней обсудить. Задумавшись, зашел без стука и увидел следующую сцену...

Голый до пояса, с волосатыми плечами, Игорь Александрович снимает платье с Дины. Дина поворачивает к Ивану лицо и ухмыляется... Иван выскочил из комнаты как ошпаренный. Ноги сами вывели его на балкон, в следующее мгновение он выбросил из окна гостиницы свою любимую гитару... Она с треском разбилась об асфальт.

2016

Лина, которая умела летать

Посвящается Е. Ч.

Она появилась неожиданно. Она летала сама, ей не требовалось пропеллера (как Карлсону из известной книжки) или мановения волшебной палочки в руке феи. Хотя, наверно, она тоже отчасти была феей или доброй волшебницей, молодой и красивой.

Лина прилетала к мальчику по имени Вадик.

В один вечер Вадик сидел и рассеянно смотрел в окно, и в этот момент, будто с дуновением ветра, в комнату влетела она. Мальчик замер от ее красоты...

– Меня зовут Лина. Давай с тобой дружить. Как тебя зовут?

– Вадик, – ответил Вадик и так и продолжил сидеть с широко открытыми глазами и ртом – конечно, ведь не каждый день в окно влетают взрослые женщины с широкой лучезарной улыбкой.

– Я – Вадик, – повторил Вадик.

– Меня зовут Лина, – в свою очередь повторила Лина, – я уже минуту как нахожусь в твоей комнате, а еще не слышала в свой адрес ни одного комплимента. Как же из тебя вырастет настоящий мужчина, если ты не говоришь женщинам комплименты? Очень красивым женщинам...

Вадик не мог произнести ни слова.

– А можно я буду называть вас тетя Лина? – спросил он через какое-то время.

– Я тебе сейчас такую тетю покажу! Кто же обращается «тетя» к самой юной и красивой женщине России и, возможно, мира?

Вадик осекся.

– А сколько тебе лет? – спросила Лина.

– Десять.

– Тебе десять, ты уже должен зарабатывать. Сколько ты зарабатываешь? Только не говори, что в твои годы ты живешь с родителями. Почему не снимаешь квартиру? А у тебя уже была девушка? А какая у тебя машина?

Вадик не знал, что ответить ни на один из заданных вопросов, но все же сделал робкую попытку.

– Я пока не зарабатываю, – тихо начал он, – но мой папа говорит, что учеба – это моя работа и что если я буду хорошо учиться, то со временем из меня выйдет хороший...

– Слушай, солнце, – перебила его Лина, – мне очень интересно, что говорит твой папа, но не мог бы ты принести мне пирожное и бокальчик вина? У вас в доме ведь наливают бокал вина женщинам, которые невероятно хороши собой?

Мальчик отправился на кухню, стащил из холодильника два пирожных, нашел под столом распечатанную родителями в Новый год бутылку вина и, налив полный бокал, принес его в комнату на небольшом подносе.

– Спасибо, солнце! Уххх, какая вкуснота! Пирожные «картошка»! Обожаю! Не была бы я такой изящной и стройной, как статуэточка, я обязательно бы попросила добавки, но... мне надо лететь. Есть кое-какие дела, надо успеть заскочить к одному омерзительному скряге – моему пятому экс-мужу, он мне кое-чего обещал отказать... Ладно, солнце, я полетела. Хотя, чего там говорить, за все то время, что я тут, настоящий мужчина обязательно бы догадался позвонить по телефону и вызвать мне такси. Но, ей-богу, ты мне все равно понравился. Я за тебя возьмусь, сделаю из тебя настоящего мужчину. Ты еще спасибо скажешь. А сейчас напоследок скажи такую вещь... Родители оставили тебе денег на завтраки? Ты не хочешь

дать их самой очаровательной женщине на свете на чудесные красные туфельки, которые она присмотрела себе в фирменном магазине в квартале отсюда?

Вадик лишь на мгновение задумался и тут же кивнул.

– Вот... мама оставила мне денег на обед, на бассейн и на кино...

Вадик порылся в ящике письменного стола и извлек на свет несколько банкнот.

– Спасибо, солнце... Дай я тебя поцелую. И помни, Вадик, Лина из тех редких, очень красивых и не менее умных женщин, которые никогда не попрекали мужчин их маленькой зарплатой.

Мальчика обдало тонким ароматом духов, и когда Лина поцеловала его, он прикрыл глаза.

Лина изящно выпорхнула в окно, а мальчик еще какое-то время смотрел ей вслед и даже помахал рукой.

В следующий раз Лина прилетела в конце недели в воскресенье. Вадик с нетерпением ждал ее, ведь ему очень хотелось стать настоящим мужчиной, чтобы такая, как Лина, с ним общалась.

На этот раз Лина появилась в темно-синем платье, красных туфельках и очаровательной панамке.

– Привет, Вадик, – сказала она, спикировав на стул, что рядом с письменным столом, за которым мальчик обычно делал уроки.

– Здравствуй, Лина, – сказал Вадик, расплываясь в улыбке, – я сейчас сразу позвоню и закажу такси – деньги у меня есть, остались от обедов. Я ни копейки на этой неделе не тратил, а копил.

– Ах, ты мой герой! Ты быстро усваиваешь уроки! Я сразу поняла, как только увидела тебя: из этого парня выйдет толк. Где деньги? Давай-ка их сюда! – Лина быстро посчитала купюры и засунула их в чулок. – Но что же это такое, почему ты меня совсем не хвалишь, не восхищаешься мной? Ни одного комплимента... Неимоверная черствость! Ты еще ровным счетом ничего не сказал про мои чудесные туфельки. Как они тебе? Мой четвертый экс-муж, он был страшно умный ученый, претендент на Нобелевскую премию, постоянно забывал хвалить мои новые наряды, и я, в напоминание ему, стала с определенного времени отвешивать ему пощечины. А потом, не выдержав его ужасной черствости, мне пришлось завести любовника, и я даже с ним куда-то уехала... Так муж потом примчался за мной на край света и на коленях умолял вернуться. Но я была непреклонна. Я отвесила ему еще одну пощечину. А потом, в довершение ко всему, они подрались с моим вторым мужем, который совершенно случайно оказался в тот момент поблизости (заносил мне копейку-другую). И второй муж не выдержал того, как тихо, неискренне и без внутреннего напряжения четвертый муж раскаивается. Так что, Вадик, никогда не забывай говорить женщинам, а в данном, отдельно взятом случае невероятно красивым женщинам, комплименты.

– Ты очень красивая, – вырвалось у Вадика, – когда я вырасту, я хотел бы на тебе жениться.

– Фи, – сморщилась Лина. – Единственный мужчина, за которого бы я теперь пошла – это актер Джордж Клуни. Но он, к сожалению, занят. И, что там говорить, уже малость для меня староват.

А вчера я пела вон в том кафе, иногда я пою джаз, – и Лина показала наманикюренным ногтем в окно комнаты Вадика, – и мне подарил сто одну розу молодой красавец-миллионер из Чикаго. И прямо там же он предложил мне руку и сердце. Возможно, я выйду за него, если он не окажется очень жадным. Скажи, Вадик, а ты не хотел бы полететь ко мне домой? Мне необходимо совершить там небольшую уборку, а ты как раз сидишь совсем без дела.

Вадик с удовольствием кивнул головой.

Лиана и Вадик полетели к Лине домой.

Лиана жила в небольшом уютном домике с мезонином на крыше многоэтажной элитной новостройки в «Алых парусах».

– Человек должен быть разносторонне развит, – продолжила поучать Вадика Лиана. – В нем все должно быть гармонично. Что за женщина, которая, например, не умеет готовить? Я вот вдобавок к неземной красоте еще и кухарка, что называется, от Бога.

И хоть Лиана и была «кухаркой от Бога», на обед Вадика в тот день достался кусок белого хлеба, который он, впрочем, съел с большим удовольствием, так как сильно проголодался. И немудрено, ведь Лиана заставила его пропылесосить в своем домике полы, вымыть окна, выбить на крыше ковры пластиковой выбивалкой и, обвязавшись цветным передником, стоять у плиты, размешивая хну «до состояния сметаны». А когда он забивал в стенку гвоздь, чтобы повесить на него большой Линин портрет, то нечаянно больно ударил себе по пальцу молотком и вскрикнул. Было впечатление, что на лице Лины отразилось неимоверное нравственное страдание.

– Терпи, казак, – сказала она. – Мужчина должен уметь все делать своими руками. Мой шестой экс-муж, бедняжка, когда я обучала его евроремонту, отхватил себе электропилой четыре пальца, но таки сделался настоящим Даниилом-мастером, и в итоге получилась большая экономия на рабочих. Даже жалко было потом с ним разводиться.

Шли годы. Вадик и Лиана продолжали общаться. Мальчик вырос во взрослого мужчину и, по желанию Лины, сделался серьезным бизнесменом. Он занимался строительством, и на крыше каждого здания, что строила его компания, он неизменно повелевал воздвигать в честь Лины по небольшому домику с мезонином. На Вадима Алексеевича было совершено три неудачных покушения, потом его посадили в тюрьму, описали имущество, а когда он вышел на свободу, то ему предстояло расплачиваться с миллионными долгами.

– Это пустяки, дело житейское, – сказала ему Лиана. – Главное, никогда не падать духом и всегда говорить: «Во всем в своей жизни виноват только я сам!» Мой девятый экс-муж, политик, после покушения, с восемью пулями в груди, оказался в состоянии клинической смерти и увидел туннель с сиянием в конце. Перед глазами пронеслась вся жизнь, он почувствовал невероятное добро, исходящее от сияния, и услышал вкрадчивый голос, который произнес: «А правильно ли ты жил на земле? Достаточно ли комфортно чувствовала себя с тобой рядом самая красивая и умная женщина на свете? Не давал ли ты ей слишком мало денег и не обделял ли комплиментами и заботой? Возвращайся на землю и впредь веди себя с ней по справедливости!» И как он ни пытался после этого, выздоровев, прыгать с балкона девятого этажа, наглатывать таблеток и бросаться под поезд, в итоге ему все равно пришлось смириться.

март 2016

Семинар

Все совпадения и сходства с людьми реальными прошу считать чистой случайностью

Семинар в литературном институте – штука интересная и достойная всеобщего внимания. Проходит он не только как маленькое театральное действо, но и как что-то, что в силах перевернуть мир...

Итак, на часах без пятнадцати пять. Небольшая аудитория на первом этаже. На стенах – цвет мировой и советской литературы, а также заслуженные преподаватели: Долматовский, Кассиль, Левитанский. Пока в русской литературе есть такие персоналии, русская литература жива.

В аудиторию медленно начинают стекаться гении. Они появляются как сплоченными «могучими кучками», так и по одному. Самый распространенный наряд гения – ветровка. Ей-богу, я бы присвоил ей название писательской. В этих ветровках «засветились» все маломальски известные писатели советского периода, часто предпочитает ее и современная пишущая молодежь. Почему? В ней толстовская простота, близость к народу, и еще... она сделана из какой-то самой по себе задумчивой ткани.

Вот в дверях появляется первый человек в ветровке. Он немного сутул. Это нормально для писателя. Он сильно ТАМ, но все же немножко и ЗДЕСЬ. Голова его в беспорядочных кудрях (моду ввел Пушкин, но актуальна она и сейчас). В руках у задумчивого сутулого человека папочка или пакетик, а в нем – блокнотик для мыслей. Ведь осенить может всюду...

Человек может ни с кем не поздороваться, но никто на него не обидится – служение музам не терпит суеты.

Появляются девушки и взрослые женщины. Писательницы, поэтессы. Немного эгоистичны, обидчивы, но бывает, талантливы. Рассаживаются, каждая в своем мирке, на представителя мирка другого может и плюнуть.

Следующие персонажи семинара – гении Дали-Набоковского, окончательно самовлюбленного типа. «Вещи в себе» (Кант бы за них порадовался), не терпят критики. С чем-то могут временно и согласиться, но в основном критика проходит мимо их ушей, они равнодушно позволяют окружающим побрехивать на их произведения, не особо обижаясь на «бездарей», то есть всех окружающих.

Следующий типаж – люди, рассуждающие с видом истины в последней инстанции с привлечением библейских аргументов...

Но, наверное, хватит описывать типажи до начала действия, пусть все проявят себя во время представления!

Заходит Его Величество Мастер – человек, который выпивал еще с Есениным, ругался с Пастернаком и поправлял ошибки у Паустовского.

Аудитория встает и садится.

– Ну-с, ребята, кого будем сегодня обсуждать? – спрашивает Мастер.

Все напряженно молчат. Немного трусят. Наконец, поднимается рука одного из гениев.

– У меня тут с собой один эротический рассказ, – робко говорит он.

– Что ж, хорошо, – говорит Мастер, – просим зачитать.

Гений встает с места, уже покраснел. Подходит к трибуне. Смотрит в лист, смотрит в окно. Смотрит в окно, смотрит в лист... Читает, сбиваясь. Места пикантные старается прочесть быстрее. Чтобы самому не застесняться своей стеснительности. «А вдруг подумают, что это все было со мной на самом деле? – стучится в голову. – А вдруг узнают во мне героя-развратника?»

Наконец, рассказ дочитан.

– Спасибо, – говорит Мастер. – Ну что ж, начнем обсуждение. Кто желает высказаться? Кому слово?

Все молчат. Автор уже понимает – сделал глупость, что не только прочел свой рассказ в аудитории, но и вообще взялся за него. Что вообще когда-то пришла ему мысль начитаться «Темных аллей» Бунина и попробовать писать.

Наконец, первый голос из зала:

– Можно мне? – слово берет полноватая девушка-гений, пишущая социальную прозу.

Все взгляды обращаются к ней. Обсуждаемый готов залезть под парту, лишь бы ему не сказали плохих слов, но...

– Ну... Я вообще хочу сказать, – начинает «социальная проза», – что все прозвучавшее несколько пошлово.

Тишина. Все молча согласились, понимает автор.

– ... Особенно сцена в поле. И позвольте мне заметить такой нюанс... Вы написали «стоячая грудь»...

Легкая улыбка на лице обсуждаемого-жертвы.

– Так писал даже Бунин, «Темные аллей», страница первая, второй абзац снизу.

Лица присутствующих оборачиваются к нему. Он понимает, что набрал бал. Девушка-социальная проза, может, такого и не читала.

– Потом дальше... – продолжает она. – Я не верю, что она ему отдалась... Образ мужчины подан скучно и публицистично. Такому мужчине не хочется отдаваться. Потом, сам образ автора в рассказе... – это тряпка. Он все время чего-то боится. Он какой-то странный.

– Ну, там же сказано, что в детстве он много болел, – делает комментарий писатель с первой парты с несколько эстетскими манерами.

– Да, болел, – говорит женщина со второй парты, – но как он делает это с ней в поле, я не вижу этого...

– Я тоже не вижу, – говорит гений с четвертой парты с краю, пришедший не в ветровке и потому, по сути, не имеющий права считаться гением.

– Вы не видите, а я вижу, – говорит девушка с последней парты с длинными белыми волосами и ресницами, – особенно жизненно показано, как в этот момент она подумала о муже. По-моему, в «Анне Карениной»...

– погодите, не все сразу, – говорит Мастер и обращается к стоящему на трибуне автору, – мне почему-то кажется, что вы не видите своей героини. Пушкин видел свою Татьяну как живую, а у вас в течение рассказа у нее то пухлые, то тонкие руки.

Автор напрягся, но хочет держать слово.

– Вы понимаете, этим я имел в виду воплощение женщины во всех возможных ипостасях. Она разная. Здесь она ему женщина, мать, сестра, подруга... Понимаете?

Мастер задумывается.

– Ну что ж, – наконец говорит Мастер, – это интересная мысль...

– ...старший брат, – не обращая внимания ни на кого, продолжает перечислять автор, – двоюродный дядя...

– Знаете, – говорит брюнетка с первой парты, – мне кажется, что М. в образе автора здесь изобразил себя.

«Узнали! Узнали, сволочи! Что же теперь делать? Куда деваться?!» – начинает лихорадочно думать автор.

– И еще, – продолжает она, – здесь есть такое место, которое, мне кажется, очень удалось.

Автор сразу делается окрыленным. Взгляд его прикован к брюнетке. «Говори же, говори! А ведь не такая уж ты и дура и бездарность».

– Мне кажется, что вот здесь очень хорошо сказано... – она вглядывается в свою распечатку рассказа. – Вот: «У Любы был очень зоркий глаз, она всегда могла вовремя различить, что мужчина из себя представляет». Мне кажется, что это так хорошо и жизненно сказано, ведь так порой трудно различить, какой мужчина – мужчина, а какой нет, что ли, не настоящий...

– Импотент, что ли? – тихо спрашивает у ораторши сосед слева, но она не замечает его вопроса.

– А мне описание, наоборот, показалось неверным, – говорит задумавшийся на время Мастер, – после такого описания представляется, что у Любы всего один глаз.

Автор чуть не дрожит от нервного стресса.

– Понимаете, это... – медленно цедя слова, говорит он. – Это аллегория. Я хотел дать аллегорию всевидящего ока...

– А... – опять задумывается Мастер. – Разве что так.

– Вот еще, – опять встречается в обсуждение блондинка. – Мне показалось, что автор очень хорошо работает с прилагательными. Вот смотрите: страстный, жгучий, томительный, воспламеняющий. Да, где-то я уже их слышала, но здесь они удивительно гармонично смотрятся.

– Нет, – встречается в разговор буйный гений со второго ряда, современный футурист, не признающий авторитетов, – это штампищи. Такими словечками уже баловались все от Бунина до небезызвестного, надеюсь, вам Шлегеля... А уж Кьеркегор использовал эти слова вдоль и поперек, так что...

– Ерунда, – врывается в разговор брюнетка, – слова эти ничего не передают. Они не передают, как героине Алене безразличен Иван, и поэтому они бесполезны.

– Ребята, – опять вмешивается Мастер, – вы знаете, в чем тут может быть дело: мне кажется, что слово «томление» выступает здесь лейтмотивом. Поэтому оно так часто повторяется? – Мастер вопросительно смотрит на обсуждаемого.

– Да, – с радостью кивает обсуждаемый. – Да, именно это я имел в виду (и в этот момент из всех шедевров мировой литературы его любимым является рассказ Б. Житкова «Помощь идет»).

– Предлагаю объявить перерыв, – говорит Мастер, – а после вернемся и обсудим все до конца.

Вторая часть заседания начинается неожиданно.

– Почему вы не нашли замену банальному слову «попа»? – это брюнетка со второй парты. Это вновь ставит автора в тупик.

– Ведь есть столько синонимов, – продолжает она, – вот, допустим, бедра, гитарообразность, в конце концов...

Мастер пользуется небольшой паузой, но он явно помрачнел и хочет сказать что-то серьезное:

– Ох уж эта современная молодежь... – говорит он. – Еще Достоевский ругал Пушкина на страницах своих произведений за любовь к «ножкам». А современная литература, которую я бы вообще не спешил называть литературой...

– Вы понимаете, – прерывает его автор, – этим я как бы хотел показать, что как бы это является метафорой жизненной защиты, надежности. От перипетий, невзгод, понимаете? Слово «попа» здесь синоним укрытия за каменной стеной. Понимаете? – автор отдышался, и сам не верит, что решился на подобное красноречие.

– Ох уж эти постмодернисты, – говорит Мастер, – у них все через...

– Простите, но вы ничего не поняли, это современно, и нас рассудит только время! – неожиданно вырывается у обсуждаемого, и в аудитории раздается легкий гул в его поддержку. А потом повисает зловещая тишина.

Через час обсуждение закончилось, а со стен молча смотрели на молодежь Пушкин, Лермонтов, Толстой, Тургенев и Кассиль. Уж им-то, наверное, известно, кто будет висеть рядом с ними в виде портрета лет через сто, но они почему-то молчали...

Дом

Вечность влюблена в творения времени

У. Блейк

Мы одни в доме. Сидим с хозяином за столом под застенчиво светящимся абажуром, широкополой шляпой висящим над нашими головами. Я не бабочка, но мне хочется ближе к этому свету. Возможно, побиться и упасть на широкую поверхность старой клеенки.

Двухэтажный дом, уютно обитый короткой доской. Окна первого этажа подперты изнутри аккуратными плотными деревянными квадратами и на манер староанглийских тракторов закрыты на поперечный брус. Даже не на один, а на пару. Странное желание – выдержать тут осаду. Наверное, это детство с фильмами ужасов, где в окна вламываются «живые мертвецы». Есть в этом особая романтика. Возможно, я к подобному кино равнодушен, потому что постоянно занимаюсь дорисовкой – любой американский ужастик мое воображение превратит в вещь со сверхзадачей.

Сразу как зашел в дом, тут же закрыл дверь на засов. Но сейчас я почему-то вижу, как среднего роста, одетая в черное женщина с непонятно бесстрастным лицом свободно проходит в нашу открытую дверь. Совершенно бесшумно вливается она на три ступеньки лестницы и появляется в недлинном коридоре, а там, за дверным косяком, комната, где спиной ко входу сижу я.

Почему я так люблю бояться? Потому, что страх делает из жизни книгу?

Очень приятна эта маленькая, окруженная забором и загороженная стенами территория. Дом по местным меркам небольшой, а комнаты по две на первом и втором этажах.

Я представляю, что сижу на холодной безучастной траве среди сосен. Дома нет, есть жизнь, своя дикая, страшная вокруг, и я понимаю: мы сейчас там, где раньше было пусто, где не было никого и можно было только что-то интуитивно чувствовать. Мы никого не спросили и стали тут жить...

Почему так радуют рассказы бабушек о том, что было со знакомыми местами раньше? Наверно, это следствие правильности теории, что все времена рядом, нет прошлого и настоящего – много десятилетий назад кто-то прикасался к тому, к чему сейчас прикасаюсь я...

– Давай сыграем в карты, – говорю я хозяину.

– Да ну, там не хватает...

Но сегодня я – Герман, мне необходимы карты. Мне они нужны именно в этой обстановке, под равномерное тиканье часов со сломанной кукушкой. У часов качается длинная медная конечность – маятник. Только русский Эдгар По мог принести его и повесить в этом доме. Хотя я смутно припоминаю, кто-то говорил, что повесил хозяйский дедушка, сам теперь висящий фотографией в рамке на стене. Дом построили при нем. Как интересно, что творение намного живучее создавшего его человека. Не верится: у поэтических зданий есть история построения – грубый плотник еле слышно, скривив рано старящееся от профессии лицо, матюгался, приколачивая раму к окну, через которое я буду наблюдать сверху за ноябрьским садом и видеть тени растений, продуваемых ветром. Ручаюсь, плотник и на четверть не представлял, что создал... Особенно второй этаж.

Скоро мой молчаливый хозяин пойдет спать, а я останусь с домом наедине, наверно, будет страшно, и я буду оборачиваться на каждый шорох. Но не могу не согласиться на это свидание с домом. Я так долго его ждал.

Мне стыдно, что лестница на второй этаж скрипит – это так банально, я хочу написать, что она молчалива, но в таких помещениях лестница должна скрипеть разными оттенками скрипа и тяжело отдавать под шагами. Я заметил, она никогда не издает веселых звуков: и пры-

гающие через две ступеньки детские сандалии, и медленные опасливые шажки старушки – всё звучит печально.

Почему «старушка» такое страшное слово, а «старуха» – вообще что-то из области кошмаров? Это слово нельзя употреблять всеу.

Хозяин незаметно лег спать, впрочем, так же незаметно он и присутствовал весь вечер. Он настолько тихий и спокойный человек, что уход его и погружение в сон на втором этаже произошли так плавно, что я даже не заметил этого.

Наверно, я боюсь еще больше, поскольку остался один. Один на один? Почему такое устойчивое сочетание слов – «один на один»? На один с чем? С кем? После того как он лег спать, я сосредотачиваюсь на этой мысли, и мне вдруг начинает казаться: кто-то догадывается о моем одиночестве, а я ни за что не хотел бы, чтобы этот кто-то догадался... Теперь я как маленький ребенок, глаза мои широко открыты, я нахожусь во власти художественного состояния. Приходят на ум строчки Бунина:

В холодный зал, луною освещенный,
Ребенком я вошел.
Тенями рам старинных испещренный
Блестел вощенный пол.
Как в алтаре, высоки окна были,
А там, в саду – луна,
И белый снег, и в пудре снежной пыли —
Столетняя сосна.
И в страхе я в дверях остановился:
Как в алтаре. По залу ладан сумрака дымился,
Сквозя на серебре...

Еще было двойное желание – метаться туда-сюда и затаиться, но затаиться было как-то чересчур жутко. Ждать, и чтобы утро осмелело тебя и, ничего не стесняясь, в лицо было бы сказано: «Шизофреник, чего ты боялся?»

Мне захотелось посмотреть на сосны, я вышел к лестнице, ведущей на второй этаж.

В предбаннике холодно, очень холодно – это промежуточное между «тут» и «там». Я не хочу ближе к двери, боюсь ближе к двери, хоть там и глазок... А может, потому что там глазок?

Как же в детстве я любил смотреть в такой глазок... Он был входом в волшебный мир, в шкатулку, в городок в табакерке. Я мог часами наблюдать в его замутненность за овальным изуродованным образом лестничной клетки, пустой и обещающей что-то, непонятно что. Манящее, но недоброе. А я был «в домике», мне было не страшно. Все эти ощущения возникли потому, что я безумно боялся «Сухую Жердину»...

Как подходили к той старухе эти два слова из саамских сказок, читанных мне в детстве бабушкой. Длинная, несуразная, вызывающая страх и брезгливость, как что-то откопанное – она была моей связью с потусторонним, пограничной полосой между жизнью и вымыслом. Она была тем, что видел только я. Наверное, поэтому еще долго после детства я верил сказкам.

Картинка в книжке, где два саамских мальчика подходят к этой странной женщине, а она струящимся вверх образом возвышается над ними. Там она точно такая, какой я однажды встретил ее, когда она входила в наш подъезд.

Она заходила к сумасшедшей Жанне с моего этажа. У Жанны были похожие на рыбы, округленные еврейские глаза – недаром «Голем» Майринка так пугал меня всегда своим старьевщиком Аароном Вассертрумом. Говорили, что Жанна занимается колдовством.

Один раз, когда Жердина шла к ней, ее остановил милиционер. Как ему было не страшно? Я не мог представить, что даже когда вырасту, смогу остановить ее и заговорить с ней.

Когда Жердина передвигалась, она делала непонятные движения руками и что-то неразборчиво шептала на проходящих мимо. Даже летом голову ее покрывала узкая вязаная шапка. Я не мог нажимать после Жердины на кнопки лифта – представлял, как только что на них нажимали её пальцы.

Все мы – дети – безумно боялись ее. Все наши игры заканчивались, когда чей-то взгляд вдруг застывал, и мы, оборачиваясь туда, куда смотрел один из нас, видели, как по длинной дороге мимо нашего дома идет она. А вдруг она посмотрит? А если дотронется? Как только я представлял это, мне не хотелось больше иметь дело со своей фантазией.

И вот, глядя в глазок на лестничную клетку, я ожидал увидеть Жердину, и моё наблюдение превращалось в нечто мистическое. Я провел таким образом много вечеров, но так и не увидел ее. Глазок развивал мою фантазию. Я знал, когда вырасту, все эти чувства все равно останутся при мне. Наверно, с рождения своего я был на них обречен.

По черной узости лестницы поднялся я на второй этаж к маленькому окошку, из которого виден сад, большие сосны и пустынные соседние постройки – непередаваемо приятно находиться на даче поздней осенью. Вспомнилось и свое собственное четверостишие пятилетней давности:

Ночевка в старом доме деревянном
Доносит сонм воспоминаний и оттенков.
И старый сад густым покрыт туманом
И звезды смотрят ожерельем сверху.

Не бог весть какой стих, но он хотя бы отчасти передает, насколько меня это всё интересует и влечет.

Какие ощущения, если представить, что кто-то внизу подходит под дверь, подползает к крыльцу, но до меня ему еще далеко. И опять – почему страх так приятен?! Может, только некоторый страх приятен? А может, приятен только страх, про который знаешь: он неоправданный? А когда это уже ужас?

Но дело в том, что я уверен – там внизу что-то есть, я начитался уйму рассказов, этих иностранных страшилок типа Лавкрафта, Бирса... Эх, поучились бы они у русских – наш Алексей Толстой с его «Семьей вурдалака» всем фору даст!

Может, у американцев просто другая природа страха? Может, корми нас получше, и не будет никаких отличий?.. Нет, дело не в этом...

Пуганье ожиданием, а не действием – вот основа страха. И как смешно пугаться визуального!.. Но если сейчас я увижу в этом саду чье-то по-настоящему бледное лицо, что со мной будет?.. Выходит, я попадусь на «американский эффект»? Нет, это напугает любого.

Я видел на первом этаже погреб. Какие отстраненные и безразличные доски пола в этом доме. Хозяин сказал: «Пол в доме холодный. Холод идет от земли». И как хочется мне заглянуть под люк...

Люк тяжело открыть, сначала надо втащить наружу давным-давно запавшее кольцо, которое вросло в дерево. Это от времени. Я, может быть, единственный за последние пару десятилетий, кто откроет. Но ведь тут живут, эти доски не так давно мыли, и там в погребе есть что-то от этих людей, и от тех, кто жил до них, я открою и взметну их шаги в воздух... И выпущу еще какую-то память наружу...

Я уверен: всеми чувствами ощую многое из оставленного «наследства».

Весь в тених прямоугольник двора, с квадратами темноты. Я высоко от земли, и опять в голове всплывает детское: «Я в домике». Рядом с соседними домами та же крошечность. Приходит мысль, что не хотелось бы прыгать отсюда.

Почему так красиво окно в сетке белых рам? За ними черные предметы калачикообразной формы тоже на белом... Как одинаково пишут школьники про снег в сочинении: «белый ковер». Эти предметы – препятствие на пути ко мне, но за ними можно укрыться от моих глаз. Вершины сосен – черная громада, с ней не справиться. Мне не выдержать тут осаду...

Впереди через дорогу дом, но он далеко, а я такой маленький, стою под самым потолком мансарды. Мансарда обступает, но она уютна, если даже не топить – от нее тепло. Стены нависают, накрывают шалашом, в них убежище. Они старые, потрескались, но надежны. Вдруг мне опять хочется спуститься и посмотреть погреб.

Открываю его. Оттуда – холодом. Скоро зима, и тут ледяная земля, она страшная, мороженая намертво. На ней нет снега, но она холоднее ледяной горы.

Видна труба, уходящая в землю. Как ей, должно быть, здесь не по себе. «А каково было живому Гоголю в гробу?» – почему-то приходит мысль. Там, в обычном радостном погребке должны быть банки с чем-нибудь и прочее, прочее. Но там ничего нет. Видна неровная кирпичная часть фундамента. Задевая ее, расходятся безучастные серые дороги глубоко под дом. Второе, саморазрушающее мое начало хочет заползти туда и остаться в полном мраке. Точнее, ждать с ужасом и восторгом, как захлопнут крышку и не будет выхода. И по дому будет бродить невидимое, но такое ощущаемое мною.

На другой стенке еще одни часы, остановившиеся. Нет ничего страшнее остановившихся больших часов. Может быть, они застыли в тот момент, когда что-то произошло в доме, где сейчас я...

Какое удовольствие испытываю – опять смотрю в дверной глазок. Я спустился, прошел сверху вниз в эту неуютную холодную пустыню. Стены рядом неприятны для прикосновения, боюсь к ним прислониться. В глазок ничего не видно – темные и белые отсветы, проблески, мнимый туман, блики...

Страх – удовольствие. Страх – наслаждение. А вдруг сейчас она выйдет из лифта времени, вдруг она пройдет мимо по этому снегу?

Ведь она не прошла тогда, я не дождался объединения с моим кошмаром. Почему не появилась? Может, чтобы появиться сейчас?..

Я как в детстве, жду пять минут у глазка, десять. Как он там наверху может спать?

Но самое удовольствие сумасшедшего необузданного страха – помешательства и удовольствия – там, в темном саду. Ведь самое-самое – вылазка туда, я знаю это. Я должен пойти во двор, мне это надо.

Дверь... Конечно, со скрипом... Выхожу в холод. Дует в спину, хотя позади – дом. Дверь оставил открытой. Прямые белые линии со следами до калитки и около дома. Я знаю, это наши следы, но как их много! Я не помню, но ведь мы много ходили.

Пойти выглянуть за угол здания в темноту... По рябому снегу – с червоточинами. По следам. Но если она придет, оставит ли следы?

Я медленно (почему не могу быстро? Почему все тут делается только медленно?) перемещаюсь между предметами участка. В двадцати шагах слева за домом виден сарай. Как только зашел за угол, смотрю вверх. Как правильно, что нет окна на первом этаже – было бы не по себе. Как хорошо сейчас там, на втором, и сколько разделяет меня теперь с тем теплом. Я всего шагах в тридцати от спальни, в тридцати шагах окольных путей, но знаю: отделяет меня – вечность, каждый шаг обратно – немыслимые километры.

Хватит ли сил дойти до поленницы, что рядом с сараем?.. Какая она приветливая днем, не портит ее даже то, что в одном бревне торчит топор.

Но сейчас я уверен – здесь не бывает дня. День – был сон, что приходил один раз, чтобы потом все сделалось непроглядным.

Я подхожу к поленнице. Каждый шаг отдается дрожью во всем теле. Я уже не я, а свернутая рулетка ожидания, трясущееся тело и отлетевший на всякий случай дух. Отлетевший, чтобы быть в стороне, боясь помочь.

На сарае большой замок, в темноте – черный безнадежный камень, тянущий на дно. За сараем, с подъемом одного края нависает черепица. Но что между сараем и поленницей? Там, до забора метра три абсолютно темного пространства, сырого и неуютного даже жарким днем. Которого, я теперь знаю, точно нет.

Понимаю, заглянуть туда – выше моих сил. Я хочу в дом! В тепло. Я хочу наверх, но не могу пройти весь путь обратно! Хочу сразу оказаться там, потому что не получится вернуться тем же путем. Знаю, что хочу влететь туда. Как там открытая дверь? Как там без меня?

Но бежать нельзя. Я как вкопанный. Стою в двух шагах от темного угла и мне скорее надо назад. Как может спать хозяин – один в этом холоде и страхе?

И я не выдержал, я побежал...

Я мчался ровно четыре секунды. Внутренний секундомер независимо от меня подсчитал это, я отмахал весь путь до крыльца ветром, с хрустом рухнувшей сосной, оленем, гепардом, вынырнул из-за угла дома, и плотность воздуха, будто нарочно сгустившегося, остановила меня. И тут я четко увидел и замер... На пороге стояла она...

Дом на окраине деревни (правдивая история из моей жизни)

Передо мной настоящая деревня, хотя старых домов осталось от силы один-два. Теперь почти все постройки принадлежат нуворишам – кирпичные, с балкончиками, есть вообще громадины в три-четыре этажа и длины-ширины такой, что кажутся замками, да еще и на горе. Если смотреть на такой замок издалека, хочется представить, что гора окружена средневековым рвом. Кто тут живет? Что за люди? Как стать таким, как они? Эти вопросы задает мое почти народное сознание, для которого и здания, и их владельцы окутаны таинственным ореолом.

Места наши не скажу, чтобы глухие, но и без карты можно догадаться, что вокруг леса на многие километры. В деревне всего две улочки. Каждая небольшой протяженности, и начало одной из них утопает в травах. Чтобы машине проехать с этой стороны, ей надо быть как минимум с передним приводом, чтобы одолеть поначалу россыпь кочек, густой, как будто взбитый миксером наворот грязи, а потом метров сто высокой травы, почти по пояс. И только после этого можно выехать к эскадре домов.

Когда наступает ночь, мне тут особенно интересно. Не скажу, что я выхожу за калитку и начинаю бродить по всему непроглядью в поисках острых ощущений, но иногда я действительно представляю, что делаю это. Так интересно, лежа в своем доме на втором этаже, представлять, что ходишь по этой темноте, ведь даже фонари есть не всюду, только в одном-двух местах, да и свет они отбрасывают такой, что, когда наблюдаешь этот блестящий фиолет, создается впечатление, будто смотришь голливудский фильм ужасов с павильонным туманом.

На моем втором этаже уютно. Я выключаю свет и включаю музыку. Лежу и смотрю в окно. За окном появляется луна. Неужели правда, что такие ощущения и таинственное восприятие окружающего только в молодости? Что ж получается, когда стану старше, мир вокруг станет прозаичным, не будет вызывать эмоций луна над самым большим в деревне домом, что стоит на окраине, не захочется слушать эту музыку с ее цепляющими нотками инструмента, который я не могу точно назвать, но который дает звуки осеннего тумана и холодного зимнего месяца над озером, когда никого нет вокруг.

Темнота и во всей моей двадцатиметровой комнате. Правильнее сказать, темнота какая-то двухотверстная – из-за двух окон, расположенных с противоположных сторон. Из-за этих двух враждующих светом окон совершенно особенная атмосфера: как в старом романе барона Олшеври, ждешь, что по лунному лучу спустится женщина с вплетенными в волосы розами-неньюфар (кстати, надо спросить в цветочной палатке, неужели и они не знают таких цветов?).

Я лежу и вспоминаю прошедший день, как не вяжется он с романтикой ночи. Этим днем мы ездили с отцом к моей тетке в поселок, что в километрах двадцати-тридцати южнее. В поселке так называемого «дачного типа» друзей моих не оказалось. Я видел только девушку, в которую был влюблен четырем годами ранее. Она не изменилась, и что-то проснулось во мне снова. Что-то такое, что заставило на обратном пути придумать мотив, который звучал в ушах всю дорогу, когда меня трясло у отца в машине. Был он то джазово-детский, то навязчиво-романтический. Всю дорогу я твердил его про себя, чтобы не забыть, а потом, когда приехал, все-таки успел его подобрать на гитаре и записать на магнитофон. Когда прослушивал, мотив казался нарочито попсовым, но все равно искреним.

Я лежу в самом углу большой комнаты, из магнитофона звучит инструментальная музыка, комната при лунном свете загадочна. В дальнем углу свалены в кучу разные старые вещи – все никак не закончится процесс обустройства дома, а вещей по русской традиции все прибывает и прибывает. И получается так, что сейчас за старым столиком или нагромождением

сумок спокойно можно спрятаться. Да и сами они в темноте дают такие очертания, что в силах разбудить любую фантазию, и не только мою, почти ежедневно купающуюся во впечатлениях от фильмов и книг.

Так удивительно музыка задевает наши чувства и рисует оптимистические картины... Что у нас с Аленой еще будет какое-то будущее, что я какими-то путями прославлюсь, и она меня увидит таким и опять, что ли, все вернется? Будем ходить по вечерам, и я снова буду относиться к ней немного свысока, хотя, и правда, к ней что-то чувствую. Странно, когда мы общались, я вроде не очень о ней думал, а потом, как расстались, все время думаю уже который год, и все под музыку. Вот здорово, что даже под грустную музыку доброе воспоминание получается, с надеждой на хорошее... Как в фильмах, выплывают на меня ее большие черные глаза и стоят в какой-то дымке, а потом исчезают. Она красива. Наверное, поэтому я ее никак не могу забыть. Мы должны были пожениться, только мой отец был против, и за это я его возненавидел.

Мне нравится подходить к окну на втором этаже. Вот что значит дом высокий – не такой, конечно, как у нуворишей, и не каменный, но видно все равно всю округу. Виден заброшенный пруд, а ведь он так неблизко, видно дома, все больше каменные, к некоторым приделаны фонарики, лес черный-пречерный сплошным полотном стоит, подходит к нему название «дубрава». И ведь кто-то может сейчас гулять по этим большим территориям... Можно, как и днем, пойти в лес, теми же тропинками... От одного, что только представишь, что такое возможно, уже как будто смотришь фильм ужасов и испытываешь что-то сладостное.

В поселке после наступления темноты не слышно звуков и признаков жизни, звуки раздаются только со стороны дома в конце деревни. Да, это самая большая постройка в округе. Даже находясь от нашего дома довольно далеко, почти у дальнего пруда, где я никогда не был, ее хорошо видно. Видны большие окна, и почему-то впечатление, что днем в доме никто не живет. Видны большие остекленные террасы, сделанные под старинный стиль балконы, высокие каменные лестницы и даже статуи в саду, их несколько штук. Это мраморные фигуры женщин и мужчин в каких-то странных одеждах, по-моему, мужчины в плащах, а дамы в платьях, похожих на старинные, интересно, где хозяева взяли эти статуи, неужели заказывали специально у скульпторов? Эти статуи довольно большие, и их тоже видно из окна. Ночью они серые, а в непогоду, когда по ним стучит дождь, они выглядят особенно торжественно. Когда вспыхивает молния, и я вижу их светящимися от струящейся по ним воды, мне сразу вспоминается зловещий каменный гость, пришедший выполнить свою миссию. По крайней мере, с таким намерением видятся мне они перед крыльцом того дома.

Я не помню, чтобы видел там людей днем, но только наступает ночь, как из дома на окраине начинает звучать музыка. Вся деревня спит, в редких окнах огонь, а в этом большом доме начинаются гуляния. Фейерверки, масса света, людские голоса, смех, музыка из дали разносится по округе.

Из окна вижу фигурки людей, начинает работать фонтан, как будто цветной водой поливает он, и я как будто ощущаю брызги его у себя на лице. Зажигаются разными цветами лампы вокруг большого, расположенного на участке бассейна, и вода в нем переливается разными цветами, и такое впечатление, будто от нее идет пар.

Я не знаю, сколько времени длится празднество, я всегда успеваю заснуть часам к двум ночи, после того как глаза уже сами закрываются на последней странице какого-нибудь готического романа или сборника рассказов, а шум за окном не утихает. Как здорово у себя наверху читать Одоевского или Бесстужева-Марлинского и вообще романтическую прозу XIX века, кажется, эти места, сама дача созданы для подобного, и меня даже не сильно отвлекает только что описанный мною шум.

Такие впечатления от перечитывания «Лафертовской маковницы»! Отчетливо вижу старую страшную женщину, ее черного кота, глубоко проникаюсь жутковатой атмосферой, ночной, туманной, зимне-уютной. Когда произношу вслух название рассказа, то в голове рисуется картина ночи и огоньков.

На первом этаже мои родители рано выключают телевизор, и дом погружается в сон. В тишине отчетливо слышно тиканье часов, и только я наверху еще бодрствую и, помимо книг, интересуюсь тем, что же происходит на окраинном участке.

Даже не могу точно вспомнить момент, когда пересилил страх, когда его уложило на лопатки мое любопытство. Так было интересно хоть глазком взглянуть, что же там творится, хотелось самому, притаившись в темноте, будучи неотличимым от нее, поучаствовать в чужой жизни. Может, повышенное любопытство свойственно моему возрасту, а может, все потому, что здесь у меня нет друзей, я ни с кем не общаюсь, но подсознательно испытываю желание поучаствовать в общем веселье. Я, конечно, понимаю, что тот праздник не для меня и на нем совсем незнакомые люди, но так хочется только одним глазком...

Каково сейчас пройти по этим улицам! Никого не разбудив, я спускаюсь по лестнице со второго этажа, надеваю ботинки. Отец похрапывает за тонкой стенкой. Я смотрю на родительские комнаты и мысленно говорю родителям, что ненадолго, скоро вернусь, а у самого на душе неприятно, ведь мама бы испугалась, узнав, что я куда-то собираюсь в ночь. Но не волнуйся, мама, я скоро приду. Я только взгляну одним глазком, чего они так часто и шумно гуляют. Открываю пять замков нашей двери и выхожу к особому ночному воздуху, в совершенно иной мир.

Подмосковной ночи в конце второго тысячелетия хочется петь такие же дифирамбы, как Гоголь давным-давно спел малороссийской. Небо такое, что в него хочется смотреть, не отрываясь... Нет облаков, это очень контрастно смотрится с кромешной чернотой, такое впечатление, что это отдельный мир, не имеющий с нашим ничего общего. Закружит тебя, заберет в свою бездонность, откуда нет возврата.

Спускаюсь по ступеням в мокрую траву. Ночью всегда холоднее, чем днем, и трава принимает непонятное промежуточное состояние – то ли холодное, то ли мокрое, но одинаково неприятно, когда все это прикасается к твоим ногам.

Праздник на краю деревни совсем не распространяется на другие дома. Можно сказать, он не рассеянный, его нет, он не чувствуется в воздухе и от него темнота не стала менее недружелюбной. Подхожу к калитке и, с трудом нащупав ключом скважину замка, открываю его. Снята внутренняя преграда, теперь ничто не разделяет меня с окружающим миром, но и не охраняет от него. Это новое чувство. Никогда не был я на нашей улице один в такой час.

На востоке небо освещено подобием зарева, оно дает странное сочетание томящихся друг в друге цветов и располагается аккуратно за домом на окраине.

Длинная дорога направо ведет к нужному мне объекту, но ведет не напрямую, а надо потом еще идти по полю – ведь я не хочу подходить с главного входа, намного интереснее приблизиться незамеченным с темной стороны, чтобы видеть, что происходит, но никто при этом не увидит меня.

Иду мимо больших соседских построек, которые в данный момент напоминают скорее большие однотонные амбары с копнами сена внутри, с вилами и прочими инструментами, с двусмысленными, будящими ассоциации предметами, это точно не места проживания людей, которых я так или иначе знаю.

Следующий в ряду дом Валентины Михайловны Кожевиной. Это добрая старушка, каждое утро, улыбаясь, отвечает на мое «здрасьте», общается с моей мамой, обсуждает с ней книги, фильмы, даже что-то из политики, в которой, говорят, не разбирается. На ней всегда такая смешная панамка. Дай Бог, чтобы всегда старость выглядела так по-доброму. Иногда она при-

носит нам варенье, я его ем, когда смотрю вечером телевизор, качаюсь в плетеном кресле-качалке и уплетаю его прямо из банки, пока мама не видит.

Каждые выходные к Валентине Михайловне приезжают на машине дочка с мужем и привозят маленькую собачку, которая умело делает подкопы под наш забор и калитку.

На небе полная луна. Не скажу, что мне страшно. Ставлю ноги не слишком быстро и совсем неуверенно: слишком велика вероятность нахождения на дороге ям и буераков. Это соседняя дорога, с которой подъезжают все нувориши, гладкая и обустроенная, а наша не асфальтирована, даже не покрыта чем-нибудь вроде щебня (не знаю, почему мы такие бесхозяйственные, но это факт). Еще по краям дороги, почти у самых заборов – небольшие, как я окрестил их, «рвы». Они, на мой взгляд, придают дороге шаткость и размытость. Эта дорога такая, потому что она вторая, ей никто не пользуется, но мне она, разумеется, намного интересней, чем вылизанная и неживая первая.

Шум и песни приближаются. Почему-то хочется оборачиваться назад, но в голову приходит страшный рассказ про «заколдованный рубль», где главному герою во время его сделки с нечистым надо было выходить ночью на перекресток дорог и не оглядываться. Интересно, почему хочется оглянуться, когда внутренне запрещаешь себе это делать?

Через три дома дом Вячеслава Сергеевича Спицына, какого-то важного чиновника. Отец часто говорит о том, что он себе чего-то там незаконно отгрохал. Но я не вслушиваюсь в эти его слова. Роста Вячеслав Сергеевич небольшого, с выступающим животом, всегда с каким-то непонятно чему ухмыляющимся выражением лица.

Травы, травы, как поэтично и беззвучно они расступаются, не сопротивляясь... Когда проходишь по ним, они замыкаются за твоей спиной. Но если попытаешься пойти через них обратно, они запутают, встанут на защиту своей колдовской сути, потащат на невидимое дно...

Шум и гам – это, пожалуй, цыганская музыка... Я подошел и позвонил в звонок окруженного высоким кирпичным забором дома. Музыка и пляски не стихали – создавалось впечатление, что по полу стучат сотни невидимых ног. Virtuозно играла скрипка, звучал цыганский хор. Дверь открыл цыган (я увлеклся творчеством цыганских коллективов, много наблюдал за этой нацией, и мне казалось, что могу отличить цыганскую внешность от, например, армянской).

– Здравствуйте. Я ваш сосед. Понимаете, – начал я, – у вас тут всегда шумно, я не могу заснуть. Вот зашел посмотреть, что за праздник. Нет, не подумайте, я люблю музыку. Мне очень нравятся цыгане, но когда так часто и без перерывов...

– Заходи, Алеша, – сказал неожиданно цыган. – Но проходи, дорогой друг, чувствуй себя как дома. Это дом баро, и мы рады дорогому гостю.

Я зашел на шикарный участок, принадлежащий баро. В голове моей тут же начала кружиться мысль, что такое богатство может быть только от торговли наркотиками. Я шел с опаской, но мне было интересно, что же тут такое, в недалеком соседстве с моим домом. Вот бассейн, фонтан с разноцветными брызгами, статуи... На освещенной веранде много гостей, я тут же заметил одну красавицу цыганку с золотыми серьгами в ушах и длинными вьющимися волосами. Она показалась мне похожей на Алену, но я не успел ее толком рассмотреть – она куда-то быстро исчезла.

– Это Тина, дочь баро, – сказал открывший мне дверь цыган, представившийся Сашей. – Скажи, Алеша...

Я так и не понимал, когда успел назвать цыгану свое имя. Или он узнал его сам?

– Скажи, Алеша, – продолжил цыган, – ты хочешь познакомиться с гостями, выпить-закусить или сразу пойдешь к Вечной матери? Она готова принять тебя.

«Вечная мать»? Я остановился в дверях веранды, кивнул присутствующим, которым в принципе не было до меня дела – цыгане плясали, пели и смеялись, не замечая меня.

– Вечная мать расскажет тебе все, что захочешь, ты будешь ей благодарен. Хорошо все знать наперед. А?

Я не ответил, поднялся за цыганом по широкой лестнице на второй этаж кирпичного дома, потом мы прошли несколько комнат и оказались в помещении с приглушенным светом, в углу в кресле сидела та, которую цыган величал Вечной матерью. Это была старая седая цыганка с морщинистой кожей и выпуклым узким носом, она повернула глаза в мою сторону. Глаза ее были мутноваты и усталы. За спиной цыганки над ее креслом на ковре висело несколько икон в золотых рамах. Лицо Вечной матери показалось мне знакомым. Где-то я видел его. В фильме? Нет, точно не в фильме.

– Садись, – сказала цыганка. – Ты хочешь знать свое будущее? Это ничего не будет тебе стоить.

Откуда ни возьмись, в руках старухи оказалось большое зеркало. Вечная мать стала пристально в него смотреть.

Все произошло быстро, но я успел подумать, что мне совсем неинтересно знать свое будущее, я даже побаиваюсь его знать. Недаром оно закрыто занавесом, который приподнимать нельзя. Узнаешь хорошее – будешь надеяться, а вдруг ничего не сбудется... Узнаешь плохое – будешь переживать, ждать, опасаться, а вдруг тоже окажется зря? Да и грех это...

– Нет, спасибо, – сказал я. – Не хочу...

Но цыганка продолжала пристально смотреть в зеркало, губы ее бесшумно шевелились, произнося что-то известное только ей.

– Тебе двадцать семь, – сказала она. – Тебя бросила красивая девушка, вы общались с ней полтора года... У тебя проблемы в отношениях с отцом...

– Спасибо, – сказал я громко, перебив Вечную мать, – я не хочу знать свое будущее. Остановитесь.

И в следующее мгновение мне в голову пришло начать читать про себя молитвы. «Иже еси на небеси, да святится имя Твое...»

Цыганка резко подняла глаза от зеркала. Мутные, они в мгновение ока сделались злыми.

– Не делай то, что делаешь!

Но я, зажмурившись, продолжал молиться...

«Да святится имя Твое... и ныне, и присно, и вовеки веков...»

Цыганка в злобе кинула зеркало на пол. Зеркало разбилось на множество осколков.

– Уходи отсюда!

Но я уже не слышал ее, а мчался обратно теми же коридорами, что и попал сюда. Непонятно откуда выросший как из-под земли цыган Саша произнес:

– Нельзя прекословить Вечной матери!

Мне все равно сделалось досадно, что, минуя веранду, я не увидел глаза цыганки Тины, похожей на Алену.

Очнулся я в своей кровати на втором этаже и так и не мог понять, как попал домой, совершенно не помнил этого. И как ни напрягал память, не в силах был воссоздать обратного пути по ночным травмам. Я сидел на кровати и смотрел в летний день за окном, и в памяти моей мелькали глаза красивой цыганки из вчерашнего сна или яви и всплывал пугающий образ Вечной матери. Вспомнился и проводимый ею страшный ритуал с зеркалом и ее попадающие в цель ответы. Я посмотрел на свои ноги – штаны у щиколоток были грязные и мокрые.

В тот же вечер я уехал в Москву. В нескольких сотнях метров от нашего дома в деревне находится остановка, с нее можно спокойно добраться почти до нашей московской квартиры,

будет только одна автобусная пересадка. Правда, автобус ходит достаточно редко, но если знать расписание, проблем можно избежать.

В Москве я обрел душевное спокойствие, занимался важными делами, ходил на репетицию в оркестр, разучивал новую пьесу за фортепиано. И вот, во время работы над одним сложным пассажем, меня вдруг осенила мысль, где я мог видеть лицо Вечной матери, почему оно показалось мне знакомым. Вечная мать была как две капли воды похожа на мою соседку с пятого этажа (сам я живу на седьмом). Соседку все в подъезде звали ведьмой, все знали, что она увлекается черной магией, что ей много лет, но у нее никогда не было мужа и семьи. «Ведьма – это несчастная женщина, которой не повезло, и она осталась одна, и от этого она сделалась злой, обиженной на мир», – такой распространенной мысли я всегда придерживался по этому поводу, но все равно, спускаясь по лестнице мимо ее квартиры, смотрел на нее с опаской.

«Теперь я сам ведьмак, – как-то шутливо подумалось мне, – так как меня бросили и я остался один».

Иногда мне казалось, что ведьма с пятого этажа уделяет мне повышенное внимание – она, непонятным образом очутившись в моей комнате, ходит по ней, стоит в темноте возле моей кровати. Летом, когда я оставался дома один, а все мои уезжали на дачу, мне казалось, что кто-то ходит по квартире – слышались шаги, скрипел пол, тихо сами собой открывались двери, несколько раз крышка духовки самопроизвольно с грохотом захлопывалась, и я точно знал, что все это происходит в двух шагах от меня и не является следствием тонких стен в доме.

Как-то пропали ключи от входной двери и «предбанника», которые висели в прихожей на вешалке на специальном крючке, и мне стало казаться, что кто-то бывает в мое отсутствие в квартире – вещи стали менять свое положение. Я довольно рассеянный и поэтому мог что-то напутать, но однажды точно запомнил, как именно, в каком порядке лежат мои книги за изголовьем кровати, а потом, когда вернулся домой, увидел, что лежавшая на тумбочке Библия в твердом переплете оказалась исписана синей ручкой, а страницы внутри были частично выдраны и порезаны, надпись на одной из страниц гласила: «Будьте вы прокляты!».

Меня обуял ужас.

Один раз, когда я пылесосил, то нашел в прихожей булавку с намотанными на нее волосами.

Не может ли ведьма притаиться где-нибудь в квартире и, дождавшись ночи, выйти и ударить меня, спящего, ножом?

Теперь перед тем, как лечь спать, я запираю дверь своей комнаты на ключ, а закрыв, заглядываю под кровать и в шкаф, и только тогда ложился спать.

Но оставались окна. Мне казалось, какой-то неведомой силой ведьма сможет преодолеть расстояние в два этажа и залезть в мое окно, которое я всегда прикрывал на третье деление фиксатора. Поддеть задвижку-фиксатор с улицы ничего не стоило и поэтому, рискуя остаться в духоте, летом я всегда закрывал окна.

Но однажды ночью мне показалось... или ведьма непонятным образом действительно поднялась до моего этажа и «стояла» в воздухе прямо перед моим окном и смотрела на меня в упор. Я моргнул, перекрестился, и... она исчезла... Было ли это правдой или видением?

Было хлопотно, но через какое-то время я поменял в квартире замки.

Встреченный мною на улице сосед по подъезду спросил, слышал ли я, что ведьма опять по ночам стала громко слать проклятия и произносить богоборческие речи.

Сосед предлагал вызвать полицию, но я не смог ответить ему что-нибудь вразумительное.

– Только не открывайте дверь, если она будет к вам ломиться, – предупреждала ее родственница, которая тоже жила в нашем подъезде. – И, пожалуйста, не вызывайте полицию. Я так надеюсь, что она одумается, хоть на старости лет станет приличным человеком, начнет ходить в церковь.

Мы познакомились с Аленой в парке.

– Как тебя зовут? – спросил я ее.

Моя будущая возлюбленная ответила мне.

Алена оказалась начинающей певицей. Мне казалось, что каждый слушатель в зале обязательно будет влюблен в Алену. «Создатель лепит такие совершенные личики будто специально, чтобы заманивать слушателей, – думал я. – Просто невозможно, что она еще не известна, не знаменита на весь мир!». Алена казалась мне краше всех голливудских красавиц и всех «звезд», запечатленных на знаменитой «Аллее славы».

– Она может предать, – сказал мне отец, когда я познакомил его с Аленой. – Конечно, дело твое – жениться на ней или нет, но, мне кажется, ей от тебя нужны деньги и московская квартира. Ты не замечаешь, она постоянно хитрит? Откуда она, с Украины? Гоголя перечитай, в Киеве все бабы ведьмы.

– Моя бабушка не дождалась своего возлюбленного из армии, – как-то рассказывала Алена. – Но он ее потом простил...

Это сразу же привлекло мое внимание. Самое печальное, самая главная ошибка в человеческих отношениях – та, что мы думаем, что люди меняются. А они никогда не меняются. И человечество за многие столетия ничуть не изменилось.

– Наше общение стоило тебе всего три похода в кафе, а было уже столько эмоций и моих переживаний, – как-то вырвалась у нее еще одна подозрительная фраза.

– Ты – потребитель, – сказал я ей как-то. – Настоящая любовь – это безусловное принятие. – А она на это ответила мне: «Такой, какой есть, мужчина нужен только в военкомате».

Я видел ее с другим, но не мог противиться. И вот, я узнал, что она вышла замуж.

Прошло несколько дней, крики соседки снизу прекратились. А ведь я так привык к ее ночной болтовне и проклятиям... Сосед по подъезду, встреченный мной снова во дворе, подтвердил мои наблюдения: «Да, прямо куда-то испарилась. Может, померла?». «Через сколько дней можно звонить в полицию, сообщить о пропаже человека?», – подумал я.

Я очень люблю мансарду на своей даче. Есть в ней что-то загадочное. Она большая и темная, как чердак, туда не проведено электричество. Сначала мы с родителями решили, что там будет стоять бильярдный стол, но потом планы изменились.

И вот как-то меня осенила совершенно сумасшедшая отгадка – а не повесилась ли ведьма с нижнего этажа на нашей мансарде? Я часто слышал в дачном доме, когда оставался в нем один, шорохи, и будто кто-то ходил ночью надо мной, над моей головой...

И вдруг в мозгу моем отчетливо возникло словосочетание: «На мансарде повесилась ведьма». Эта неожиданная сумасшедшая фраза стала стучаться в мое сознание.

Теперь я знал: мне надо ехать на дачу и забраться на мансарду, ведь там повесилась моя безумная соседка.

Я взял на работе небольшой отпуск и на десять дней уехал на дачу, чтобы пожить там полным отшельником.

Я походил по пустому дому, залез даже на второй этаж, а потом спустился вниз. Тем временем начало темнеть.

И вот я опять услышал шум, это было уже под ночь. Я забрался на мансарду и увидел болтающееся на веревке человеческое тело в балахоне. С превеликим трудом я снял его – то ли порвал, то ли разрезал веревку, на которой висел повешенный или повешенная. И я увидел бледное лицо соседки. Даже в свете фонарика угадывалось, что оно какого-то бело-фиолетового цвета и с высунутым языком...

Завернув труп в мешковину, я спустил его на первый этаж и свалил в угол комнаты, что рядом с кухней.

Мне казалось, что соседка вот-вот поднимется, оживет, но тело в мешковине лежало неподвижно. Я подумал, что надо похоронить его, и потащил вниз по ступенькам крыльца, и лопатой, взятой из гаража, стал копать яму на дальнем конце участка. То, что не следует хоронить труп ведьмы на участке, мне даже не пришло в голову...

Я копал и почему-то не удивлялся тому, что в цыганском доме на окраине деревни сегодня нет шума и песен.

Я вырыл довольно глубокую яму и спихнул в нее тело соседки. Перед тем, как бросить первую горсть земли, еще раз посмотрел на труп, со страшного лица которого сползла мешковина... Передо мной было лицо Вечной матери.

Я закрыл дверь на засов и рухнул на кровать. На удивление мгновенно заснул.

Утро было сумрачное, я вышел к умывальнику чистить зубы, поглядел на округу. Рядом с забором медленно шла Валентина Михайловна Кожевина. Я специально сделал несколько шагов к забору, чтобы поздороваться с ней.

– Здравствуй, как Вы поживаете? – спросил я ее. – А не знаете, чего табора у нас давненько не слышать? Не пируют уже, не съехали ли? А где барон их цыганский?

Валентина Михайловна удивленно посмотрела на меня.

– Какой еще табор? Никакого табора у нас не было и цыганского барона не водилось.

Меня тянуло рассказать Валентине Михайловне про то, как я обидел старую цыганку молитвой, но я вовремя остановился.

Мне было страшно ночевать на одном участке с закопанной ведьмой, и в тот же день я уехал в Москву.

В Москве меня ждал сюрприз – обнаружил на мобильнике смс от Алены: «Я была не права. Я раскаиваюсь. Прости меня».

Мы встретились, целовались, она была ласковее прежнего.

– Я все осознала, – говорила она. – Я – предатель. Конечно, я просто многого не понимала... Жизнь сложная, и жизнь несправедлива!

Мы опять обнялись, и я не хотел выпускать ее из объятий. «Да, – думал я, – главное в жизни – это умение прощать, этому так сложно научиться. Сложнее всего на свете! Но я, слава Богу, знаю этот секрет!

И ночью, когда у нас случилось с ней... я чувствовал под собой ее горячее тело, я целовал его... Какое-то непонятное, неосознанное желание заставило меня потянуться к фонарику, что лежал тут же на столике. Не прекращая обнимать Алену, я дотянулся до него и, включив, направил на Алену луч света... С подушки на меня смотрело улыбающееся застывшее лицо Вечной матери.

2017

История одного литератора

Алексея Шарова влекли ее длинные ноги и участие в престижном конкурсе моделей, а Татьяну, наверное, прельщало, что он вроде как молодой писатель, который напишет бестселлер, и она засверкает в главной героине. Он был всего лишь студент литвуза, а Татьяна уже давно была примой наяву, воплощением современной русской красавицы, это просто рвалось из ее зауженных глаз и манерности. Даже друг Алексея, амбициозный С., отметил, что Татьяна чересчур вздыхает и томится по себе. Детство за границей, модельные конкурсы, двухгодичный роман с королем книжного бизнеса Сергеем Вайнштейном... Она так часто потом рассказывала Алексею о его любви и подарках, о доме, купленном специально для их встреч, в котором он два года навещал ее. Двухэтажный розовый, со стенами в ровной сетке кирпичей, куда он делся теперь? Наверное, так и стоит на своем шоссе.

На каком-то из их первых свиданий Татьяна отдалась Алексею своей студийной фотографией. Она не очень ему понравилась, потому что на ней на одной из длинных Татьянинных ног был едва заметный блеклый синяк. Но Алексей все равно гордился фотографией и всем показывал, а в какой-то компании обиделся – одна малознакомка, сжав лицо, сказала: «я так бы не села».

«Надо же! – чуть не возмутился он вслух. – Какого все о себе мнения!»

Алексей переживал, что Татьяна назначала встречи в центральных дорогих кафе и к тому времени, когда он появлялся, сразу становился должен немалые суммы за ее коктейли. Для него это были богатства Креза.

Но смешным оказалось то, что Татьяна стеснялась его, и это на первых порах заставляло его гордиться собой. В ее большой квартире в Кунцево, она даже покраснела, когда он, киношному глядя на нее, впервые полноценно дотронулся до ее груди; лицо Татьяны стало особенно детским. Потом из лежачей позы, она вдруг села, подтянув к носу длинные свои колени, и обхватила их руками.

– Я боюсь тебя, – сказала она, а Алексей раздражился на нее, а может, изобразил, что раздражился, и почему-то тут же вспомнил ее богачей, и его немислимая фантазия нарисовала подробно, как она подпускает к себе толстого лысого мужчину.

Татьяниним любимым занятием было примерять новые платья, а Алексею нравилось следить за ней. С каждым новым платьем она меняла походку, делала ее манернее и этим выводила его из себя. И чем больше он раздражался, тем высокомернее делался в общении с Татьяной, а она, как видно, того и ждала.

– Какой ты жестокий! – говорила она, и ему делалось приятно.

Почти ежедневно Татьяна бывала в различных салонах красоты, где ей постоянно устраивали какие-то процедуры, что-то там отдирали, и она ругалась с девушками, которые делали это не ловко.

– Ой, обожгли голень!

Она выходила Алексею навстречу, на секунду улыбалась, а потом начинала жаловаться на обслуживание, кричать что-то про воск и обзывать девушек дурами.

– Видишь? Пожалей меня! – жаловалась она, показывая красным ногтем в ровную, такую интересную Алексею, икру. Бесстрастное лицо Алексея, казалось, уже было ответом на ее причитания. Тогда он еще боролся со своими эмоциями, потому что это было начало.

– Не грусти, – говорил он ей, два раза гладил по лопатке и нагло ухмылялся ее недовольному взгляду.

– Ты просто монстр! – завывала она, наслаждаясь своими жалобами и позволяя ему, тоже радуясь, обманывать себя. Нет, тогда еще на первых порах он часто фальшивил ей в ответ

и удивлялся, как же его обман остается незаметным. Он задумывался: «Что, они там уже так привыкли к фальши, что ничего не видят? Столько раз уже друг друга обманули, что теперь совсем слепые? Ведь, если Бог хочет наказать, то...» А поначалу часто звучали лживые Алексеевы комплименты, и Татьяна не могла нарадоваться, с натянутой мимикой Алексей чмокал и приобнимал ее, а она от этого расцветала на глазах.

Один раз он пригласил Татьяну за город на дачу к своему другу. Это была дача, рядом с которой Алексей Шаров провел детство, где только начал, невольно повинуясь генам, вдыхать мир в творческом направлении.

– Фу, электричка, – сказала Таня. Она оделась как можно проще, как просил Алексей. На ней была смешная зимняя панамка и красная модная куртка. А Алексею стало стыдно, что он ездит в электричке.

– Может, на такси? – спросила Таня.

– Туда очень далеко, – ответил Алексей, и ему сделалось стыдно, что у него нет денег на такси до дачи. Ему всегда становилось так плохо, когда он остро ощущал нехватку денег, что уже пару месяцев, как у него начал болеть из-за этого живот. Стало в нем урчать, когда он чувствовал, что от жизни к его годам можно было добиться намного больше. «Как? А рви и выгрызай! Если ты чего-то в жизни не добился, значит, мало этого хотел». И он обещал себе, что когда-нибудь у него будет много денег, чтобы все время передвигаться только на такси, потому что теперь у него всегда будут только такие женщины как Татьяна.

В электричке ему казалось, что на них все оборачиваются. Таня мило выглядела в своей панамке – наверное, так модно за границей и ему нравилось наклоняться к ней и чмокать во вкусную юную щеку. Сцена «Девушка из высшего общества в русском народном вагоне» казалась ему очень контрастной, и он был даже готов вспомнить художественные порывы детства и зарисовать ее.

Иногда Татьяна морщилась, глядя в окно, иногда называла кого-то дураками и опять морщилась, а потом, когда поезд остановился и стоял пять-семь минут, она встревожено оглядывалась, а потом приблизила к Шарову личико и сказала: «Пожалуйста, Леша, сходи и дай машинисту долларов сто, чтобы он поехал».

Алексей посмотрел на Татьяну, а когда понял, что это сказано серьезно, захохотал и хихикал еще долго, пока уже двинувшийся состав не заглушил его смешков.

И там, на чужой даче, они целовались в темноте на совсем простых, еще советских простынях. И он опять, как будто в первый раз, ощущал какую-то тайну и не верил в свое наслаждение; представлялось ему в этом что-то фантастическое, хотя уже происходило в его жизни много такого, во что можно было не верить. Но все случившееся с ним всегда оказывалось созвучным его внутреннему чувству собственной уникальности и избранности.

И Таня отстранялась и что-то слезливо говорила, а он был уже так близко к ней – через пять минут слов в темноте, перешел со своей кровати на ее.

– Я не могу сейчас, не могу, я еще не готова, – зашептала Таня так просительно, что он даже не стал пытаться убедить ее, а просто, доцеловав, молча перешел обратно к себе в постель, уже чем-то сильно довольный.

– Фу, какой ужасный дом, – сказала Таня утром. – Какое тут все грязное и старое.

А Алексею дом нравился именно тем, что ничего не изменилось в нем с того времени, когда он маленьким жил с бабушкой на соседнем участке.

Тогда ему было стыдно говорить местным ребятам, что это не их дача, а что ее сняли на лето, и он старался либо молчать, либо выдумывать что-то. И как же один раз он был рад,

когда соседский мальчик сказал: «А-а, это, кажется, дача ваших родственников? Ваша хозяйка что-то говорила в правлении...»

«Да-да, – ухватился маленький Алексей, – и поэтому с нас за нее практически ничего не берут...»

И именно здесь, когда-то очень давно бабушка читала маленькому Алексею сказку Гауфа про угольщика Петера Мунка, сменявшего свое сердце на каменное. И маленький Алеша плакал, когда жена Мунка Лизбет умоляла холодного и жестокого Петера опомниться, не зная, что настоящее сердце Мунк отдал за золото Михелю-Голландцу.

Утром после катания с горки на санках, Алексей дал в руки Тане лопату и долго смеялся, как она с ней смотрится. Он попросил ее погрести снег и она, изобразив дурацкую, как Алексею представилось, «инострannую» гримасу, зачерпнула снег лопатой. Шаров забрал у нее инструмент. Таня часто делала лицом как-то так, как делают красотки-ведущие на экранах в модных программах. Сейчас она была похожа на ведущую спортивной программы.

Белая-белая русская зима в поселке его детства... Высокие вьюжные деревья, утихомирившиеся, наверное, в честь их приезда. Алексей вышел один на улицу и посмотрел на ее снежную линию. «Странно, – подумалось, – я ведь ничего уже не ощущаю... Когда-то жил здесь маленький, был влюблен в соседскую девочку, стремился к чему-то хорошему, верил в добро, а сейчас уже непонятно во что верю, если вообще верю. Наверное, только в то, что хочу всего добиться. Как жили писатели, к которым слава приходила после смерти? Какой в этом во всем был смысл? Нет, художник – любимец женщин, умнейший человек своей эпохи, тонкий аристократ в белом костюме и с тростью в руке... И как же бесят бессребреники! Люди, которые всю жизнь нищенствуют и только, как наркоманы, наслаждаются собою созданным, которое через несколько поколений по какой-то пошлой закономерности признают дети тех, кто всегда жил сыто. Ну, не так, конечно, все однозначно, но все равно так... Нет – художнику без белого костюма и трости!..»

Шаров пошел в комнату и долго смотрел на Татьяну, прихорашивающуюся у зеркала. «Как красива!» – он опять гордился, что, кажется, завладел ею. Был доволен, опять говорил приятности, сажал к себе на колени, но в то же время помнил – с Татьяной надо быть циничным Реттом Батлером или кем-то в этом роде. А Алексею так почему-то удобно в этом образе, хотя он и ощущал его сильно примитивным.

Обедали забавно, с шутками, Шаров был в ударе, а Татьяна высокомерно подтрунивала над его другом, сельским парнем из этих мест, который заикался и часто говорил невпопад, а в обществе Татьяны вообще засмутился.

А Алексей чувствовал, что Таня дышит его, шаровской, героикой, и в этом ему хорошо вралось, так что он сам путался и верил уже тому, что навывдумывал.

Впервые он унизил ее в квартире в паруснообразной новостройке в Кунцево, в запертой комнате, когда она боялась, что вот-вот войдет ее папа. Папа Татьяны – второй человек в банке Смоленского. Татьяну облегалo красное платье, и она в босоножках на каблуках была почти одного роста с Алексеем, и она опять раздражала его, но уже манерностью своих вздохов.

Потом он вдруг обнаружил, что ему не нравится ее акцент – долгая жизнь за границей. Что акцент такой явный, Алексей раньше не очень-то замечал.

Он посмотрел на книжную полку в ее комнате и рядом с хорошими книгами увидел фото Тани вместе со звездами Голливуда – Николь Кидман, которая никогда не впечатляла Алексея, и с Робертом Де Ниро, которого Шаров очень уважал за хоть и недобрый, но яркий актерский талант. В Алексее опять резко ожила гордость от обладания Татьяной, и он еще раз поцеловался с ней и опять стал строить неестественные гримасы, говоря комплименты. И его вновь

удивляло только одно: «Как она не видит и не чувствует, что не нравится мне? Отчего люди могут быть совсем слепыми? Значит, Бог этим наказал их...»

Шаров мечтал стать знаменитым, представлял, как красавицы на светских вечеринках сами подходят и знакомятся с ним. С бокалами и деланными улыбками, и эти улыбки очень красавицам идут. Алексей видел себя с нарочито хмурым видом раздающим интервью газетам и телевидению. Хрипловатым голосом, действующим на окружающих – особенно на женщин – он бы рассуждал о российском менталитете, о религии, искусстве, при этом часто трогал бы себя за лицо. Алексей представлял фильмы по своим романам, идущие по экранам мира. И он думал только, как бы совмещать популярную литературу, в которой красавицы с длинными ногами, с литературой, остающейся в веках, какую писали Чехов и Толстой. И во время обладания Татьяной, в момент нахождения с нею, он представлял себе многих других женщин, самых знаменитых красавиц шоу-бизнеса – русских и зарубежных. А перед сном Алексей грезил о романах с известными авантюристками разных времен и стран и видел себя в политике, серым кардиналом, вершащим судьбы России и даже мира за спиной великосветских мужей своих прелестных врушек-любовниц.

Татьяна продолжала чересчур манерничать – есть такие девушки-презентации – и поэтому, наверное, Шарову уже хотелось добиваться от нее слез.

– Ты меня не любишь... Ты меня используешь, – продолжала бесяще подскуливать она; эти слова доставляли Шарову удовольствие, и он опять расплывался в улыбке, которая так ей нравилась. И он уже получал удовольствие оттого, что она воспринимает его гадким Печоринным или Батлером и явно упивается этим – ему и самому уже стало непривычно без этого образа. И вот ему казалось, что он тоже уже все изведal и от всего в жизни приустал. Он всегда удивлялся, почему женщины обожают такие идиотские образы, а еще у него возникал вопрос: «Неужели богачи менее жесткие люди, чем я?»

– Какой он? – спрашивал Алексей у Татьяны про ее олигарха.

– Заботливый, ласковый, но бешеный. Он очень ревновал меня, потому что любил, а ты не ревнуешь, потому что я тебе не нужна.

Самомнение Алексея росло.

– Я издевалась над ним. Когда я бросила его, то он плакал. Вот я дура, надо было отхапать у него денег, а то только подарки... Но я тогда была совсем девочка.

Она продолжала стесняться Алексея во время их ласк, и только тогда, когда на ней уже почти не оставалось одежды, на Татьяну что-то находило, и она, по-детски произносила: «Ну, тогда целуй меня!» и лежа на спине, поднимала с груди майку и закрывала ею себе лицо.

Один раз она позвонила Шарову ночью, когда он заведовал разгрузкой машины в пропавшем складском комплексе, в котором работал двое суток в неделю, и стала жаловаться, что ей приснился страшный сон. Татьяна уже не помнила точно, в чем было дело, но закончила: «Как я могу пережить, ведь у меня есть ты!.. Правда?»

– Правда. Правда. Спи, – сказал Алексей. – У меня дела, – произнося, он наслаждался своей мужественностью, и отключил телефон.

«Если бы мои сотрудники видели ее!..» – самодовольно подумалось ему.

Во время перекуров Шаров сидел за одним грязным столом с матерящимися мужиками в синих пропахших спецовках. Стол, за которым они пили чай и ели из стеклянных банок, был покрыт несколькими листами упаковочной бумаги с жирными пятнами. Шаров за смену так успевал проголодаться, что, глядя на содержимое банок, из которых ели мужики, ловил себя на том, что воспринимает его как небесную манну. Не отталкивало Алексея даже то воспоминание, что лысеющий здоровяк, который так аппетитно сейчас чавкает напротив, почти

всю прошлую смену пролежал под этим самым столом, сорвавшись с кодировки, и двое дюжих кладовщиков не могли взвалить его на стул обратно.

«Господи, – думал Алексей, – если бы Таня оказалась хоть раз в нашей раздевалке...»

И он судорожно напоминал себе, что надо завтра дома не забыть опять выпарить пальцы в жаркой воде, чтобы из-под ногтей ушла чернота и чтобы ладони не выглядели сухими.

И Алексей чувствовал себя таким не чистым, даже ездил на работу в специальных вещах и обуви, чтобы не пачкать и не задушивать потом хорошую одежду. А утром он постоянно думал: «Только бы не встретить кого-нибудь знакомого, ведь я сейчас похож на труп; я грязный и от меня может пахнуть черте как, хоть я и умылся в душе, но эта проклятая полиграфическая пыль...» И он несколько раз чихал и покашливал.

Таня, кажется, не догадывалась о его тайне – пока он всегда успевал тщательно отмывать руки.

После особенно тяжелой смены Шаров проклинал все – свет, Бога, устройство мира; готов был делать что угодно, только бы разбогатеть. Но не удавалось совмещать литинститут, творчество и работу – всюду, как только узнавали, что он студент выходили проблемы. Да и самому ему, кроме того, что он хотел знать рабочих людей, нужна была «спокойная», как он называл, не занятая цифрами голова, чтобы писать повести и рассказы.

Шарову нравилось наблюдать за простыми людьми с производства, за девушками и женщинами – операторы, наладчицы, фасовщицы; были среди них и симпатичные и до смерти уставшие, с застывшими серыми лицами и тощими пучками невымытых волос. Были откровенно глупые, были веселые и не грубые. С одной он даже подружился, ее звали Оля, она приехала в Москву из Пензы и жила с мужем и маленьким ребенком в съемной квартире.

Когда Алексей впервые увидел ее, она так протяжно несколько раз посмотрела на него, что он решил с ней заговорить.

Оля не любила жаловаться на жизнь, хотя было видно, что она очень устает. Вместе с Шаровым они стали ходить ужинать или пить чай в раздевалку, когда там не было мужиков. Многие из них делали Оле комплименты, но относились скорее по-отцовски, о чем-то, смеясь, спрашивали ее, и почти все старались при ней не материться. В Пензе Оля была учительницей, а здесь не хотела устраиваться по специальности, потому что им с мужем очень были нужны деньги.

Алексей рассказывал Оле свои мысли о политике, о литературе, истории. Оля в свою очередь выставляла перед ним картины провинциальной жизни – все пьют, работы нет. Как-то один рабочий в шутку сказал Оле, дескать, чего в Москву-то ехать, жили бы у себя там – сказал по-доброму, не так что «понаехали тут».

– А вы знаете, какая там жизнь?! Чего в Москву приехали! Вы знаете, что там творится?! – полыхнула Оля. Алексей впервые увидел ее такой и подумал: «Фу, как банально!»

Когда Оля говорила что-то такое, что считала горькой, но справедливой правдой, нос у нее до кончика зауживался, как будто на постоянном вдохе, глаза становились как пошлый вариант кокетства, и она уже не могла говорить спокойно...

А Алексей думал: «Наверное, вот такие же, с такими же справедливо разозлившимися лицами и псевдомудро прищурившимися глазами, когда-то участвовали в революции».

Шаров понимал, что нравится Оле, и что она очень провинциальная и правильная, и что, если она и ждет от него чего-то, то только самого-самого серьезного. И понимать это Алексею было одновременно приятно и немного противно. И он уже подумывал обмануть Олю. Это получилось бы у него спокойно, и он бы опять только наслаждался своей холодностью, с которой может переносить многие моменты жизни.

За ужинами Шаров традиционно продолжал разглагольствовать перед Олей о добре, религии, политике, специально позировал, как только умел это делать. У Оли жглись глаза. Она спрашивала его что-то, стесняясь, с такой простой тихой доверчивостью. При этом ела

жареную картошку с куском колбасы, которые приносила из дома, и, глядя на нее, как она ест эту самую простую колбасу с белыми жиринками, Шаров невольно испытывал презрение и жалость, с которыми не мог ничего поделать. «И все-таки каждый человек стремится к лучшей доле, – думалось ему, – а тихость и приличия это только самообман и слабость...»

– Вот таких бы людей как ты, в нашу политику, – сказала Оля однажды, и Шарову показалось, он чувствует что-то пророческое в ее словах – ведь и юному Наполеону обязательно должны были встречаться на пути люди, которые понимали, кто он такой, когда он никем еще не был.

«Да, Оля права», – подумал Алексей, он часто представлял себе, что вот он, Шаров – президент России. «Вот прокрасться бы наверх и чтобы головы полетели...» – Алексею очень хотелось навести справедливость, да еще и очень кровавыми способами, но, чтобы обязательно это понравилось всем, и все бы им любовались.

«Ну, как же так можно! – инстинктивно возмущался про себя Шаров, опять глядя на колбасу, – девушка должна очень за собой ухаживать, должна правильно питаться, не должна работать по ночам. Какие же все-таки несчастные русские бабы, что позволяют так на себя давить!»

– А муж кем работает?

– Инженером.

– Небось, по ночам-то не вкалывает?

Иногда Оля ругала мужа, который, по ее словам, часто унижает ее.

– Нет, он неплохой человек, но...

– Недовольна, что рано вышла замуж?

Оля промолчала, посмущалась и грустно опустила глаза к своей колбасе.

Алексей смотрел на ее симпатичное лицо и отмечал про себя, что его можно даже назвать красивым, только вот волосы мыты не сегодня и одевается Оля абсолютно просто – какая-то джинсовка дурацкая, мода на которые прошла, когда Алексею было семнадцать лет.

Часто Оля рассказывала о своем сыне. Наверное, она хорошая мать, заботливая и не капризная, очень трудолюбивая, и из-за этого у нее и случаются проблемы – начальство после двадцатичетырехчасовой рабочей смены еще просит Олю на пару часов задержаться и она не знает, как отказать. Один раз с утра Оля так страдальчески смотрела на уходящего Шарова...

– Что мне делать? – спросила она тихим голосом и широкими-широкими глазами. – Мне надо к ребенку.

– Да пошли их. Скажи: «Идите на хрен!», а то они всегда будут пользоваться твоей добротой.

И однажды Оля вышла к нему счастливая.

– Ну как? – спросил Алексей.

– Я их отшила.

– Ну, конечно. А то, как же. В награду ты мне должна будешь рассказать, отшивала ли ты когда-нибудь клеящихся мужиков.

А по вечерам Шаров встречался или созванивался с Татьяной. Они тоже говорили обо всем на свете – политике, России, людях... Татьяна традиционно ругала русских за доверчивость и покорность.

Порой Татьяна вдруг виделась Шарову очень умной, и ему казалось, что она по-матерински относится к нему, и он даже говорил ей об этом, а она радовалась и тут же выдавала какую-нибудь бездарность, вроде «да, я у тебя такая...», и он сильно жалел, что только что похвалил ее.

А иногда Татьяна произносила:

– Да, где-то я понимаю, что ты прав и что ты во многом разбираешься лучше меня. И ты прав, что книги это очень много и... Я чувствую это. Но ты сам умный, а не понимаешь главного, что деньги – это все!

Она рассказывала ему какие-то экономические тонкости, в которых разбиралась, ведь у Татьяны – зарубежный экономический диплом.

Во время их встреч Татьяна любила запеть обожаемую им старую песню:

– Везет тебе, – опять подскуливала она, в очередной раз упрекая его, – девушки тебя любят просто так, без денег...

– А тебя любят только за деньги? – хохотал Шаров, радуясь сочиненному на ходу каламбуру.

У нее дома они вдвоем смотрели в записи знаменитый международный модельный конкурс с участием Татьяны. Алексей особенно гордился собой, когда в большом людном зале, где плавал приятно-фиолетовый свет, как в голливудских фильмах ужасов, сцена вспыхнула, и появившийся конферансье, так похожий на громкоголосого Майкла Баффера с боксерских соревнований, долго на английском приветствовал публику. Потом все рукоплескали, потом играла музыка, потом на сцену выходили красавицы. Шаров обожал смотреть конкурсы красоты – только почему-то ему почти всегда не нравилась девушка, которая занимала первое место – любимицы его, случалось, даже не попадали в десятку.

Все девушки – на высоких каблуках и ходят особой самовлюбленной походкой. Татьяна на сцене вела себя достаточно естественно, даже не очень искусственно улыбалась, чем удивила Алексея, сказала что-то в микрофон. Перед этим конферансье объявил: «Татьяна Орлова фром Раша». Зал зааплодировал, а у Шарова случился прилив бодрости, патриотизма и любви к себе. Хотя, тогда он честно внутренне признался, что по своему вкусу, он никогда не взял бы Татьяну в десятку финалисток, а лучше захватил вместо нее бразильянку и хорватку, которые туда не попали.

– Ну, как я тебе? – самодовольно спросила Татьяна (если бы она не лежала, она, наверное, уперлась бы рукой в бок).

– Божественно! – ответил Алексей.

Татьяна еще шире заулыбалась.

– А знаешь, кто там сидит в первом ряду?

– Кто? – деланно зевая, спросил Алексей.

– Принц Альберт, султан Брунея Хусейн III и актер Чарли Шин.

– И пусть сидят, – сказал Алексей, – я их знать не знаю. «Как интересно, – подумалось Шарову, – в самом начале знакомства, я бы только удивлялся и выпучивал глаза».

– А Чарли Шин вообще не перевариваю – он бабник и наркоман, и его постоянно застывают с проститутками, – выдал Шаров.

Алексею показалось, что Татьяна сделала дико глазами.

– Да, он потом подходил знакомиться.

– Что же ты с ним не сфоткалась?! – передразнил ее Алексей. А сам все равно гордился тем, что Татьяна понравилась голливудской звезде, хоть Шин и снимается в идиотских комедиях и боевиках, и еще это значит, что вкус Алексея Шарова совпадает со вкусом богатых и знаменитых людей, а следовательно... А его, Алексея, Татьяна долго стеснялась, а их может, и не очень даже стеснялась, вон она вполне естественно ходит по сцене...

– А потом после Шин тебя там встретил твой чернокнижник?

– Ты что, ревнуешь? – спросила Татьяна, обрадовавшись.

Алексею очень понравились участвующие в конкурсе индианка и испанка. И теперь он только и делал, что следил за ними. Их фальшивые улыбки казались ему намного приятнее Татьяниной.

И в тот день Алексей опять добился того, что Татьяна дошла до того состояния, когда ей не хватало воздуха, она забывала о стеснительности, поднимала майку и говорила свое: «Ну тогда целуй меня!» Он нехотя исполнял только часть предложенной задачи, предпочитая, чтобы целовали его.

А потом, все вспоминая конкурс, довольно сильно подпоил Татьяну вином и устроил с ней в красном купальнике, откровенную фото сессию, о которой она потом стеснялась вспоминать и требовала, чтобы он уничтожил те фотографии, а Алексей врал, что пленка целиком засветилась при проявке.

Утром Шаров проводил Татьяну на настоящие съемки, а на обратном пути в метро ему попался стенд, на котором Таня рекламировала зимние куртки. И он отметил про себя, что именно в этой куртке она была с ним на даче и выгляди она всегда, как на этом стенде, он бы был самым счастливым человеком на свете. Фотографу удалось поймать в ее лице такое юное наивное и доброе выражение, что Алексею на секунду даже стало стыдно.

– Вайнштейн выпускает Маринину и Акунина, а недавно к нему перешел Сорокин. Моя сестра – директор одной из его фабрик. Она говорит мне: «Дура, с кем ты встречаешься?» – разболталась Татьяна больше обычного и Алексей тут же обиделся.

– Это она про меня, что ли?

– Нет, вообще.

– Это про богатых, что ль?

– Нет, про простых. Я как-то с одним встречалась. А тебя она еще не видела, надо вас познакомить. Хочешь, пойдем вместе с ней в тренажерку в «Паруса»?

– А я, что не простой? – раздраженно спросил Алексей. А сам про себя подумал: «Встречалась с простыми! Фу, какая мерзость!..»

В тренажерке должны были быть еще и сауны.

Шаров стеснялся, находясь в этом одном из самых дорогих в Москве спортклубов. Пока Татьяна бегала на специальной дорожке в белых кроссовочках, с собранными на затылке волосами, Алексей забыл гордиться, что, наверное, окружающие догадываются, что этой девушкой он регулярно наслаждается.

Сестра, на шаровский взгляд, была красивее Татьяны, хоть и ниже ростом, а ее живот и бедра тут же захватал его взгляд, когда они все вместе приземлились на жаркие деревянные лавки. Алексей не знал, с чего начать говорить, он только знал, что сестра читала его рассказы. По лицу ее он видел, что они ей, по-видимому, не понравились – ведь они не очень коммерческие. Один сострадательный, о сельском дурачке, за прототипом которого Алексей долго наблюдал, Шаров написал этот рассказ искренне и сам долго не понимал, почему его так привлекла эта тема, другой рассказ был о вдове, а вот третий – про красавицу с оперированным носом, таких носов было много у девушек, что занимались в тренажерном зале по соседству.

Сестра была очень загорелой. Взгляд Шарова все не мог оторваться от ее красивого ухоженного тридцатичетырехлетнего живота и вот он уже мечтал, что и она когда-нибудь обязательно будет принадлежать ему и все это стечение обстоятельств – точно судьба.

И тут в элитном спортклубе с саунами хотелось быть особенно утонченным, и он острее всего чувствовал, что ему суждено стать богатым и знаменитым. И он выбирал быть с буржуазией. «А как же великие художники критиковали ее? Ведь надо же критиковать!» «Нет, надо быть где-то посрединке...»

И Шаров забывался, представляя, как именно Татьянина родственница когда-нибудь станет его любовницей. Мысли, что он был с Татьяной, с ее единокровной сестрой еще больше разжигали его...

– Ей не нравится ее муж, он не достоин ее, – говорила когда-то Татьяна еще у себя дома, когда к ним в комнату забежал смешной куклоглазый сын сестры, выкрикивающий что-то и тре-

бующий играть с собой. Алексею нравился этот мальчик, и он даже не обижался, что тот отвлек их с Татьяной от настоящих игр, в которые Татьяна обязана была играть полуодетая.

Утром после работы Алексей с Олей вместе возвращались домой, шли вдвоем до самой станции метро. И в их разговорах Шарову было понятно: о чем бы ни говорили – говорят не о том. Ему даже было стыдно – слишком уж часто срывались с Олиных губ в его сторону комплименты. Он даже насмехался над собой, потому что иногда стеснялся смотреть Оле в глаза.

– А вдруг ты станешь знаменитым, и я буду гордиться, что была с тобой знакома...

Шаров сморщился и махнул рукой. Как надоела ему эта частая фраза, но если он хочет овладеть Олей, то ему надо на подобное скромно улыбаться и неловко пожимать плечами – дескать, очень может быть, но это не стоит того, чтобы об этом...

Шедшие с работы мужики, усмехались в кулаки, глядя как Алексей и Оля после бессонных рабочих суток, не спеша, стоят, пьют сок и разговаривают.

Оля выпросила у Шарова его рассказы и даже старые стихи и, прочитав, долго обсуждала их с ним. Конечно же, ей больше всего понравились его романтические вещи. Не обошлось, конечно, и без дурацкого вопроса, из жизни ли взяты эти истории. И Алексей опять невольно бесился, отвечая. Но с другой стороны, эта Олина простота и наивность еще больше распалили его. «Все, пора, – думал он. – В следующий раз атакуем...»

Татьяна говорила, что ей очень нравятся рассказы и повести Алексея, и она видит в нем большой талант.

– После твоих вещей мне даже страшно с тобой общаться. От тебя ничего не скроешь...

И от этих ее слов Шаров опять гордился собой и пытался представить, какого же мнения о нем Татьянина сестра в своей надменной молчаливости. Он почему-то боялся спросить у Тани напрямую, что она сказала про него.

Тогда в сауне Шаров вдруг подумал: «А вдруг я не стану великим?». Но ему так хотелось теперь быть рядом с Татьяниной сестрой, что он тут же удавил в себе эти мысли. Тут же вспомнил и то, что у Татьяниного олигарха было что-то кратковременное и с ней... И Алексей автоматически стал представлять себе как это происходило.

Они уже сидели в бассейне, с сестрой поздоровался старый мужчина с цепью на шее, который купался с двумя молодыми девушками, одна из которых тоже очень понравилась Шарову.

Ему хотелось быть здесь, в этом спортивном зале, с этими гордыми личностями, а не писать об убогих и «маленьких людях». Нет, ему хотелось писать и то, и другое, и третье... А особенно ему мечталось выдумывать приключения, сумасшедшие романы, ведь он продолжал мечтать о любви всех знаменитых куртизанок и авантюристок мировой истории; о драках, политических интригах, обмане умнейших государственных голов – ведь и в их защите найдутся бреши.

– Ой, а недавно, когда я была без тебя, со мной поздоровался директор «Дом-строга», он такой молодой и накачанный и такой милый... – отвлеклась вдруг Татьяна.

Когда Татьяна сказала Шарову, что у нее вовремя не начались месячные, ему стало плохо.

Его мучила гордыня, теперь ему было неприятно, что матерью его ребенка когда-то пользовался какой-то олигарх, да и еще кто-то богатый, да и один кто-то небогатый, да и наверняка, еще кто-то. Когда он узнал о ребенке, как он сразу всеми забрезговал...

– Они были с этой шлюхой! – выкрикивал Шаров, наедине с самим собой, – а я, только я попался и должен растить с ней ребенка! Уже изначально порченого! Говорят ведь, что ребенок похож не на биологического отца, а на того, кого впервые сильно любила...

Шаров говорил Татьяне, что надо скорее ехать в медицинский центр и сделать что-нибудь.

– Зачем? Если это правда, то я в любом случае не буду делать аборт.

И Таня сильно погрузнела. Каким мерзким и плаксивым показалось ему в тот момент ее лицо.

«Какие еще конкурсы красоты... – подумал Алексей, – ведь у нее такой уродливый старушечий подбородок».

Как бесили его теперь Танины скулы – ему даже представилось, как Таня будет выглядеть, когда окажется при смерти – у нее останутся только эти скулы и подбородок, а щеки ввалятся, он увидел ее лежащей в морге со скрещенными на груди руками.

И как бы откликаясь на мысли Шарова, Татьяна по-старушечьи кончиками пальцев вытерла рот, а потом долго сидела на кухне, ссутулившись, совсем без косметики на лице и в сером ужасном свитере, которого он раньше никогда не видел.

Алексей страдал две недели, месячные у Татьяны не начинались, он уже настроился на то, что она родит кого-то, кого он тоже будет презирать, как и ее. Нет, он забудет, будет писать, он скажет, что ему наплевать на все, пусть она зарабатывает деньги или в своей итальянской фирме, или в своих конкурсах. Или, да, черт со всем, он будет жить с ней, но она не должна его отвлекать. Пусть ее сестра печатает его романы, а он будет спокойно заводить интриги на стороне и отдавать вечерами причитающееся и Татьяне – его хватит на всех. И тут ему опять вспомнилось, какая неестественная Таня в постели, как неприятны ее гримасы. «Какой глупец олигарх мог на нее польститься?!» – снова подумалось Шарову.

Потом Таня опять плакала, а он размышлял, что, наверное, это вредно, ведь в ней его ребенок, что-то в нем есть и от его талантливых генов. Но каким же отвратительным было ее лицо во время плача, тоже такого неестественного... Шарову казалось, что ему даже хочется ее ударить.

Он уже не спал с ней. Вообще не приближался. Теперь Алексей уже открыто мог говорить, что у него нет денег, чтобы встречаться с ней: «Даже если бы они у меня были, я все равно не хочу с тобой никуда идти». И в этот момент у него опять мелькала мысль: «Ведь в ней же мой ребенок, а я говорю ей такое. Вдруг он услышит и что-нибудь произойдет с моим ребенком!..» «Это мой крест, – подумалось вдруг ему, – это мое наказание, которое последовало за беспутную жизнь, и я буду, я должен нести до конца... Бог наказал за мои грехи».

А когда выяснилось, что у Тани не будет ребенка, что тревога была ложной, как же Шаров был счастлив. Какими же глупостями казались теперь ему его гиперморалистские мысли о постигшем его заслуженном наказании – «Все русская классика, черт ее дери!..»

Думы его просветлились – «каким бредом были мои мысли!» – и Шаров, опять оказавшись в огромной квартире в Митино, взглянув на Таню, приблизил нос к ее щеке и поцеловал. Таня снова лжесопротивлялась и произносила что-то, что она часто говорила о его цинизме, а он как всегда хотел прикоснуться к ее телу со счастливым ощущением, что ворует чужое и остается безнаказанным.

Таня выпалила что-то традиционно-пошное вроде: «Ты не любишь меня!», но он доказал ей обратное. И вот она уже выдавала с обычной своей интонацией: «Ты такой заботливый...»

Скоро должны были прийти вести от редактора, которому через Танину сестру передали шаровскую прозу. Алексей нервно вспоминал, те ли рассказы он распечатывал и думал – они ли лучшие на данный момент. Может, надо было дать и несколько скабрёзных, которые у него были, чтобы там, в издательстве увидели насколько широко разлились его возможности и что он тоже может шагать в ногу со временем. «А вдруг произойдет чудо, – думал он, – и эти вещи о простых тоже станут хитами, ведь я все продумал, я вложил в них немного лицедейства, чтобы они стали популярны... Уж – не хуже шукшинских!..»

Но вестей из издательства не было. Шаров просил Татьяну узнавать у сестры, сам же, увидев ту в гостях у Татьяны, так опять был ошарашен ее внешностью, что забыл спросить о рассказах. Дорого одетая сестра как бы не замечала Шарова, сразу после того, как нехотя поздоровалась с ним, и это доводило Алексея до безумия. Да, он обязательно овладеет ею, когда выпустит первую книгу. Она сама уйдет к нему в любовницы от своего мужа, который Шарову не очень понравился, но которого он тоже стеснялся, потому что помнил, сколько у того денег, хоть он и получает меньше жены, директора фабрики. Из окна Таниной комнаты Алексей выглядывал во двор, облизывал взглядом сестринскую машину и невольно думал, как он уважает этих людей – всех их: Таниных родителей, сестру, ее мужа, их сына и ему казалось, таким странным, что он так напугался тогда, когда Татьяна говорила о ребенке. «Во дурак! – думал он теперь. – Был бы зятем в порядочном семействе». И вот он уже сильно сожалел, что у них с Таней нет ребенка. «Хотя как бы я исследовал других моделей для моих романов? Все-таки были бы сложности...» «Придумал бы как-нибудь...» – успокоил он себя.

И вот в тот же вечер, когда сестра с мужем уехали, а Алексей и Татьяна остались в комнате одни, он с той же как раньше улыбкой положил Тане на коленку руку.

Сестра сказала, что рассказы молодых авторов они не выпускают, они выпускают сборники уже состоявшихся писателей, – и этим, как показалось Алексею, она специально хотела унизить его.

– Нужен роман о современной молодежи, мне кажется, ты бы мог его написать...

Ну вот, а почему он тогда чувствовал, что он как Наполеон умеет хватать удачу за хвост, он считал, что все уже в кармане... И Алексей переживал: «Ну почему, даже через очень хороших знакомых нельзя пристроить настоящее творчество!...»

И он мечтал и мечтал о славе и деньгах и продолжал не любить своих собратьев, пишущих, как ему казалось, только о детях и кошках – они эти рассказы никогда никуда не пристроят. Особенно не любил он одну писательницу из литинститута, которая как-то прямо на семинаре заявила, что не хочет славы. Нет, в своих манифестах, выпущенных во всеуслышание, он тоже не хотел славы, но на самом деле... Больше всего его раздражали в искусстве правильные лица. А самому ему нравилось манерничать и эстетствовать. Он обожал красиво одеваться – только, конечно же, не на работу – и тратил на это последние деньги. Когда при нем кто-то упоминал о теплых странах, он тут же напрягался, думая, что вот сейчас обнаружится, что он нигде не был, ни в одну страну не выезжал.

Из всех писателей он продолжал уважать только тех творцов, кому удалось совместить искусство и деньги. Он все так же презирал нищих пьющих гениев, считал, что нельзя называть гениями слабых людей. Шаров очень уважал Толстого за то, что тот был граф и состоятелен, а значит, имел право заниматься литературой, Тургенева боготворил за что-то подобное и еще за умение бело, с шиком одеваться. А так же любил французскую литературу, за ее блески, фарфорность и любовниченье, и продолжал ненавидеть многое из отечественной за гиперморализм и, как ему казалось, публицистичность.

Уже сама принадлежность Пушкина к дворянам успокаивала Шарова – значит, тоже имел право писать. «Но с другой стороны, он жил на отцовские деньги, постоянно просил их ему высылать...» – огорчался Алексей.

Но больше всего, Шаров завидовал, как ни странно, не писателям, а олигарху Березовскому – по мнению Шарова, самому творческому человеку. Алексея удивляло, почему Березовский не напишет книгу психологичнее, чем Достоевский, ведь, наверняка, в людской психике он понимает больше, потому что, в конце концов, он же сверхпрактик...

Когда Алексей писал свой первый коммерческий роман, он очень устал и буквально душил себя мыслями, что хочет от него качества, что он потратил на него три года, а это всего

лишь эротико-юморная безделушка. Да, смешно, да с претензией на модность, да, он вожделем каких-то из этих героинь, запечатлел те любовные моменты своей жизни, которые считал обязанным зажать между коленок памяти, но...

Татьяна любила сама предложить ему устный, нервный рассказ о современных богатеях, какие они все жадные и жестокие. Татьяна опять пела о своем олигархе, о том, какой он скряга и как он не хотел отсылать книги заключенным, а она упрашивала его заняться благотворительностью, и только ей удалось переубедить его.

– А хочешь, хочешь, я тебе еще расскажу, тебе пригодится для литературы...

И Татьяна рассказывала что-то новенькое:

– Один раз он мне сказал: «Вот теперь, как привыкла, попробуй расстаться с роскошной жизнью? А? И добавлял: вот и я не могу! А несколько раз я видела его жену. Конечно, супер-тетка, но уже старая, лет сорок...» – было видно, что Татьяне хочется говорить и говорить:

– А когда ты будешь знаменитым, я бы хотела... Но какой же он жадный!.. Но писателей он подкармливает, потому что, в конце концов, они все равно принесут ему прибыль. Так – собирает их и дает им по пять тысяч долларов. Он очень не дурак, он дружит с Татьяной Толстой... Вообще они там с редакторами писателей подгоняют. Вот когда тебе бы надо было отдавать ему рукописи, когда все только начиналось. Печатали все, я сама читала их, мы с сестрой их отбирали. Такие дурацкие попадались...

– Господи, с кем ты общаешься! – опять отчитывала Шарова Татьяна. – Этот самый С.!.. Ведь он же какой-то... как это... дворовый... А этот К.!

А как-то она опять позвонила ему, когда Алексей был на своей тяжелой работе и, услышав на фоне матерные голоса, снова сказала:

– Фу, какой ужас! Где ты работаешь?

Он в который раз соврал ей что-то, но она еще не раз возвращалась к вопросу его круга общения.

– Русские люди дураки, – опять говорила Татьяна, – их можно обманывать бесконечно, и они же тебе сами еще благодарны будут. Господи, что за менталитет! Рабы!

Иногда разговоры переходили на личные темы, и один раз она сказала:

– Я хотела бы общаться с тобой долго-долго, всю жизнь!..

Шаров что-то пробурчал в ответ.

Он несколько раз передавал через Таню и те свои сочинения, которые считал вполне коммерческими, но не забывал вставить в них что-то такое, чтобы ему не было стыдно за их качество перед самим собой. Чтобы вещи эти не были дешевыми детективными поделками.

Но рукописи регулярно возвращались назад, и Таня говорила, что главный редактор почему-то их отклоняет.

И один раз Таня сказала:

– Бросил бы ты литературу – ведь ты же с головой...

У Шарова аж перехватило дыхание, таким неожиданным показалось ему ее предложение.

– А что делать? – выдавил он из себя.

– Деньги зарабатывать.

– И стать олигархом?

– Почему олигархом? Просто деньги – очень важная вещь. Пусть не самая важная, но...

А ты умный, ты бы мог...

Алексей нахмурился, как это он уже не раз проделывал в присутствии Татьяны.

А ему-то казалось, что чем он быстрее двигается и говорит, тем быстрее придет к нему слава. Он думал, что чем больше поведением ты походишь на Бориса Абрамовича Березов-

ского, чем суетливее ты, тем больше у тебя шансов на успех, но в голову ему почему-то не приходило – а какое отношение это все имеет к литературе? И он вспоминал, какие из себя светские вечеринки и светские красавицы на них, и что готов сделать что угодно, только бы быть с ними. И он опять явственно видел свои «Лолиты» или «Парфюмеры», или «Коды да Винчи»...

В тот раз Алексей пришел в бешенство и сильно наорал на Татьяну, даже замахнулся.

Их роман продолжался. Татьяна то гладила его по голове и упрашивала о том, что он не мог сделать, либо опять кого-то ругала, как настоящая старушка. Она все время звала Шарова за границу, не понимая, что у него денег едва хватает, чтобы обеспечивать свое существование, и он злился на нее еще больше, потому что не мог открыть ей тайны.

Потом Шаров уже вовсе перестал себя контролировать по отношению к ней, пожалуй, слишком часто повышал на нее голос. А еще она уже слишком мешала ему общаться с другими музами, к которым он стал просто рваться...

И вот Шаров подумал, что пришла пора расставания. Общение с Татьяной душило во всем. Все равно она ничего не может сделать, чтобы печатали его явные хиты. А как же ее сестра? Неужели он не увидит ее больше? Ничего, он покорит ее уже напрямую, когда станет знаменитым. Обязательно, обязательно покорит.

Оля из Пензы... Как ни странно их дороги тоже скоро разошлись. Он практически не успел «подкатить» к ней – Оля перешла на другую работу. Мало того, ему показалось, что она рада этому событию. Ему почудилось, что когда Оля сообщала ему эту новость, она даже как-то облегченно вздохнула. Оказывается, она уже две недели как подала заявление об уходе и не говорила Алексею.

– Почему ты не сказала мне?! – закричал он и подумал: «Ну вот, сейчас спокойно что-нибудь сохрети». А она ничего не ответила, только отпустила голову.

– Можно я оставлю у себя твои рассказы и стихотворения? – спросила она.

Он разрешил.

В первый и последний раз Оля позвонила ему в день его рождения, – телефон его она узнала в списке сотрудников, что висел в их офисе – и Шаров попытался было с ней разговаривать, но Оля быстро простилась.

– Тьфу-ты, – ругнулся Шаров. – Видно как-то запалился... Где-то недобатлерил... Черт, уже давно надо было действовать!..

Прошло три или четыре года. Шаров не стал знаменитым писателем. Мало того, даже не особо старался им стать. Еще меньше – его напечатали всего один единственный раз. Алексей написал еще один «коммерческий» роман, из-за которого потом долго мучился, зачем потерял даром столько времени: «Ведь это бес обманывает – все равно в итоге больше усилий, чем писать настоящие вещи, от которых остается только перетянуть живот, потому что от „коммерческих“ он тоже перетягивается». Рассказы о детях, написанные им в то время были, на его взгляд и не только, хороши и искренни.

Еще он мечтал писать совсем нехитовые вещи про мужиков со своего склада, с которого ушел, только отображая их с какой-то другой стороны, не так как писали их до него известные литераторы. Так же Алексей писал, что называется, в стиле «чистого искусства», но ничто из этого не было интересно современным издателям и редакциям журналов. А он уже мучился такими вопросами: обязательно ли страдать, чтобы создавать настоящие вещи?

А половина знакомых Алексея на его счастливую улыбку и очередную обманчивую весть, что, кажется, его скоро напечатают, сразу обращались с вопросом: «А сколько с этого будет денег?»

– Ну, как? Как? – имея в виду, стал он печататься или нет, спрашивала его Татьяна, когда они созванивались. По Таниной настоятельной просьбе Шаров высылал ей свои новые сочинения, и она говорила, что вот-вот их прочтет, а потом выяснялось, что даже спустя год она их не удостоила вниманием. Татьяна спрашивала, написал ли Алексей, наконец, что-нибудь про нее, а он ей в ответ: «А ничего, если с эротикой, и это прочтет твой новый возлюбленный?» «Ничего-ничего, только напиши». Татьяна уже давно встречалась с кем-то, и Шаров ловил себя на мысли, что ему обидно, что она совсем, кажется, забыла, что хотела общаться с ним «всю жизнь»... «Какие они все-таки эти бабы!», – упрекал он теперь всех женщин.

Прошло еще три года.

– Как не узнать этот тембр? – рассмеялась она – тебя ни с кем не спутаешь. И Шаров опять по инерции получил удовольствие, при этом внутренне на себя обозлившись.

– Да, я изменилась, – сказала Таня. – Теперь я не такая дура. Нет, ни о чем не жалею. Ты знаешь, на чем я сейчас еду? «Мустанг» последний...

И опять:

– Ну что, выпустил, что-нибудь? – усталым голосом. – Нет? Живу с женщиной. Я очень уважаю его. Он старше и сильнее меня, он очень многого добился. Нет, мы не говорим о браке, хотя вместе уже три года. Нет, мне так больше нравится, без детей. Пока не хочу. Нет, довольна. А может, и нет? Ты опять будешь заниматься душекопательством? Я не хочу этого. Мне не надо этого... Он любит меня, уважает. Работаю уже не у итальянцев, а у немцев. У нас там много мужчин и я там – звезда.

На следующий день Алексей сидел на литинститутском семинаре на обсуждении очередного бездарного, на его взгляд, автора. Литинститут Шаров уже давно закончил, а на семинар зашел по привычке, и когда представилась возможность высказаться, начал говорить все, что в нем наболело:

– Почему вы не сказали, что прославиться невозможно? Не сложно, а невозможно! Зачем вы существуете? Зачем обнадеживаете?! Зачем говорили, что я талантливый? Умные, спокойные лица «понимающих» в литературе, служителей культа Пушкина и Достоевского и даже не всегда Толстого, потому что «любил подсластить...» и горделивый был! Почему не пишете на вывеске у института, что выдуманными мирами над человеком смеется дьявол?! А?! Зачем набрали тысячи домохозяек и выучили публицистичничать?! Теперь они не найдут ни мужа, ни работы и будут раздражать меня своей жалкостью!..

Слушали Шарова внимательно, и ему виделось, что все эти люди давно ждали подобных слов, что они, молодые писатели, думают так же, но только не в силах сказать.

И казалось Алексею, что он абсолютно прав, и он дал всем достойного заслуженного пинка. И только его мастер, который работал с Алексеем в течение всех институтских лет сидел седой и молчаливый. Он так в тот вечер ничего критичного Шарову и не сказал.

И Шаров продолжал жить как жил, женщин так же любил только шикарных и глупых. Но где-то в глубине Алексей чувствовал, что у красавиц редко бывает красивой душа, потому что красивой она делается от страданий. Он обожал признаки мелкой дешевой буржуазности – цепочки на щиколотках хитрых продажных секретарш, улыбающихся ему, как и многим. Нет, конечно же, в текстах своих, что предназначались для журналов, он был готов критиковать их, но его все равно несказанно тянуло к ним.

– Да и критика их – все равно не окупается, – жаловался Шаров.

Теперь у него водились и такие мысли: «Вот написать все основные настоящие вещи, а потом стать как все – дураком и ничего вокруг не замечать. Стать счастливым и веселым...»

А когда он занимался тем, что понимал под счастьем, все мозги его тут же поглощались мыслями о праве художника жить безнравственной жизнью – «А что, был же абсолютно аморальным гениальный Алешка Толстой!..»

Иногда у Шарова наступали приступы повышенного самодовольства:

– Мам, почему меня любят красивые женщины? – спрашивал Алексей. Алексею нравилось ощутить, что время будто приостановилось, а он вот сейчас соберется с силами и почувствует себя кем-то очень стоящим в этом мире...

– Это потому, что ты пока молодой и, может быть, перспективный, но, как только станет окончательно ясно, что нет...

Шаров где-то в глубине понимал это, только старался об этом не думать, а что-то приписывать и дописывать всему происходящему с ним.

«Сейчас еще немножечко погрешу, а потом всю карьеру буду писать покаянные христианские книги...» – придумалось однажды. И Шаров даже взялся уже писать большой покаянный роман. «Что-то вроде «Преступления и наказания», – определил он его для себя. «Ведь пока весь мир читает и восхищается красотой раскаяния героя, можно опять спокойно втихаря начать грешить...» – радовался Алексей.

Так в Алексее продолжался его привычный ход мыслей, но однажды он вдруг прочитал две вещи писателя Валентина Распутина «Прощание с Матерой» и «Живи и помни!» и, кажется... Ему вдруг показалось, что он... или ему показалось? Он, кажется, стал чуть-чуть понимать, что такое литература. И теперь ему было бы совсем не стыдно сказать Тане, если он опять созвонится с ней, что он ничего не опубликовал или что недавно ему предложили напечатать только одну его небольшую дешевку.

И оглядываясь назад, на все написанное им, Шаровым, Алексей понимал что ничего, ровным счетом, ничего он еще не написал, а только теперь кажется, чувствует, что не надо ему никакой славы. Не хочет из-за нее совсем шевелиться. Ведь есть, есть что-то настоящее, что надо попытаться отобразить. И показалось ему, что никаких женщин не надо ему, только бы написать хоть одну вещь так вот, как Распутин написал про своих старух. И все равно Шаров подумал: «Нет, буду-ка я писать не только это. Нет, я человек, а значит, греховен. Я буду честнее – я хочу быть всяким, таким, какой я есть».

И до Шарова стали лучше доходить слова его институтского мастера о том, что литература – это не холод, это наоборот... это что-то обнаженное, это настоящее, это больное... Нет, он понимал это раньше, но не чувствовал так отчетливо.

И значит, если хочешь быть настоящим писателем, то не удастся избежать страданий. Настоящая литература – это совесть... «А мучила ли она меня когда-нибудь? Перед всеми, хотя бы перед...»

«И не такая, совсем не такая самовлюбленность!..» «А вот бы все-таки сделать так, чтобы все совместить... – невольно приходили Алексею в голову старые мысли. – Что ты напишешь настоящего, если ты холодный Батлер? Но стоп... а Лермонтов?..»

И некому было сделать так, чтобы он услышал фразу из той его любимой детской сказки: «Петер, достань себе горячее сердце! Достань себе горячее сердце, Петер!»

А потом Шаров впервые полностью прочитал Библию. И вот Шаров уже почему-то думал: «Наверное, в конце жизни встает перед человеком такой вопрос – если Бога нет, то пассивность, скука и горечь, а если есть, то последний внутренний рывок добра, наизоснейшая окончательная потребность в нем».

**Тайна подмосковного поселка
*Любимым, страшным
и таинственным книжкам
из моего детства посвящаю...***

И опять же родному поселку К-во...

Глава 1. Приехали

Студент четвертого курса одного московского ВУЗа Василий Телкин ехал с институтскими друзьями на доставшуюся его отцу в наследство подмосковную дачу. Дача старая, располагалась в сорока километрах по Казанскому направлению, в так называемом поселке городского типа, завещана была Телкину-старшему его умершей теткой.

Поселок не очень большой и в меру зеленый. В свое время город активно наваливался на него, но потом остановился с занесенным кирпично-бетонным кулаком, застыл вблизи очередного деревянного домика с садовым участком. Подле домика проходила детская железная дорога, по которой летом ездил маленький синий паровозик. Дорога эта являлась своеобразной границей между городом и поселком. За ней высота домов постепенно возрастала: за двухэтажными кирпичными появлялись пятиэтажные, и так доходило до двенадцатиэтажек.

Компания была веселая и шумная, состояла из восьми человек. К превеликой Васиней радости, основной ее костяк составляли девушки. Была тут и Васина в прошлом близкая подруга, институтская любовь Ольга Елагина, чуть щекастая красотка с выдающимися бедрами. Сегодня Вася кисло смотрел на Олю по причине отсутствия на ней косметики.

Ехали знаменитые на курсе подружки-сплетницы: Ленка Громова, Таня Вилкина и Евгения Фобейко. От Громовой Телкин особенно «тащился»: губастая брюнетка с толстой попой и «крупными батонами» (так характеризовали в то время в молодежной среде). Она стрекотала языком неудержимо, знала про всех ровно все. А именно – кто с кем, где и когда целовался, кто кому чего сказал и т. д.

Громову тайно ненавидел весь курс, но Вася находил в ней что-то пикантное. Сплетница была маленького роста. Не раз испытывала на себе домогания любвеобильного Телкина, но всегда их с достоинством отвергала. «Родненькая, – молил ее Телкин, – давай загуляем, хоть на недельку, хоть на сколько, весь мир к ногам...» Но Елена была непреклонна. «Дурачок ты, Васька», – говорила подружка Ленки Таня Вилкина и пускала по институту гремучую сплетню о неудачной попытке Васиного «сватовства».

Сама Вилкина была долговязой барышней с немного выпученными глуповатыми глазками. Телкин в большинстве случаев не обращал на нее внимания. Один раз только, будучи в нетрезвом состоянии, все-таки предложил и ей вступить в преступную связь, ссылаясь на то, что без Вилкиной ему – вилы. «Дура-а-ак», – слегка в нос возмутилась Танька и вышла из комнаты.

Третья подружка-сплетница Евгения Фобейко спросом ни у Телкина, ни у других ребят на курсе не пользовалась. Потому что была страшной как хрен знает что. И сплетни от нее исходили какие-то совсем злые. Зачем ее взяли с собой за город, никто не знал.

Из мужского коллектива ехал Сергей Попов по прозвищу «Презя» – институтский пьяница-заводи́ла со стажем. Прозвище свое он получил от слова «президент» (а не от какого

другого слова): он был всекурсно избранным главой институтского алкогольного сообщества «Заповедные ерши». Рядом с институтом находился лес, и после лекционных пар или вместо них ребята часто ходили выпить, посидеть на полянке, полюбоваться природой, обсудить преподавательский беспредел.

Презя любил выпить чуть больше остальных и частенько после окончания заседания общества отпраивался обратно в институт – побуянить.

С Презей был его лучший друг Тузиков, футбольный фанат с частенько поочередно подбиваемыми глазами: он любил ходить на матчи и участвовать в послематчевых потасовках – «махычах».

Ехала в вагоне электрички и Светка Бубликова – девушка крайне тупая и злая, а также честолюбивая и подлая. На ежекурсные домогания Телкина она отвечала раздражением: давала подержаться за коленку, охотно вступала в телефонные разговоры на «эту» тему, но на жизненную конкретизацию и воплощение телкинских мечт идти категорически отказывалась. «Ты женщина или нет? – кричал Телкин в трубку, когда после очередного „секса по телефону“ она отказывала ему во встрече. – Ты не представляешь, как твое поведение вредно для твоего и моего организма!» Но ничего не помогало. Света глупо хихикала и продолжала старую практику. Пойти на попятную Телкин не мог: слишком любил женщин, и еще ему не позволяла ретироваться собственная фамилия.

«Да, конечно, – думал он, – она полная дура!» Но проходили сутки, он снова сидел со Светой на занятии по английскому языку, смотрел на нее, слушал, как она по-лошадиному ржет, и вот уже думал: «Да, но как ее дурь эротична!..»

Еще в вагоне ехала бубликовская подруга Анька Котельникова по кличке Хотел. Крайне разбитная девушка, которой ничего не стоило сесть в машину к незнакомому мужику, поехать с ним в ресторан, а с утра проснуться в его квартире. Но близости с Хотелом на курсе удостоился только один Презя. Все потому, что его одного она пока считала «настоящим пацаном», другие же под это определение не подходили. Телкин очень страдал по этому поводу. Презя же в тот единственный раз снизошедшего на них с Хотелом эроса пребывал в стандартном для него пьяном состоянии и мало что об этом хотеловском своеобразном презенте помнил. Только иногда, когда в очередной раз бывал нетрезв, с гордостью провозглашал сам факт.

На самой дальней лавке, почти у тамбура сидел человек с сильно немытыми волосами, в черном балахоне «Гражданская оборона» и в наушниках. Его звали Сандрик. То есть официально его звали Вова Александров, но все институтские звали его просто Сандрик. Поначалу он сопротивлялся своей кличке, но потом привык и даже один раз, когда преподаватель забыл его имя и попросил напомнить, в задумчивости на всю аудиторию провозгласил: «Сандрик», потом запнулся и покраснел, но было поздно – все сидящие за многочисленными партами студенты пришли в неопикуемый восторг.

Но что говорить, тому, кому выпадала честь сидеть рядом с Сандриком на лекциях, приходилось тяжело: он просто обожал долгие нудные рассуждения на тему творчества своего кумира – отечественного панка Егора Летова.

На курсе всяк рад был над Вовой поподтрунивать. Но когда дело доходило до пьянки, приходилось брать его с собой, потому что могло не оказаться достойного собутыльника Презе, и он бы сильно приставал с вопросом алкогольной взаимности к окружающим. Сандрик являлся своеобразным общественным щитом, последним препятствием между неугомонной вершиной вертикали власти «Заповедных ершей» и рядовыми членами.

Поезд чучухал. Молодежь потрясывало. Рюкзаки и сумки закинутаы наверх, на полки. По бокам мелькают поля и перелески. Молодость чокалась первыми в тот день пивными бутылками. Сердца радовались в предвкушении отдыха на природе, романтики и, конечно же, у некоторых надежды на лучшее.

– Вась, а там есть баня? – спросила Громова.

Васю этот вопрос застал врасплох, потому что он сразу же представил Громову в бане. Вот она подходит к двери парилки в одном халатике. В следующее мгновение халатик падает на деревянный пол. Она делает шаг и переступает через него. Правда, ноги у нее недлинные, но зато какие бедра! Она забирается на полку и говорит оттуда:

– Вась, а Вась! Отлупи меня...

– Я щас... Я мигом, – громко говорит Вася.

– Что сейчас и что ты мигом? – Вася открывает глаза, на него смотрит улыбающаяся Громова.

Вася оглядывается по сторонам и приходит в себя от нахлынувших красот.

– А... Баня? Не знаю, есть, наверное... Я-то там еще не был. Отец ездил. Вообще говорит, там здорово. Дом большой, два этажа.

– А дискотеку там есть где устроить? – вмешалась Вилкина, – главное, чтобы было где дискотеку устроить.

– Два этажа, – сказала Хотел, – это не только дискотеку, а вообще чего угодно можно устроить.

Вася зыркнул глазом и резко выдохнул.

– А кто там раньше жил? – вмешался Тузиков.

– Раньше там жила отцовская родственница – тетка или кто-то в этом роде. Я еще с детства про нее слышал, она чем-то этаким занималась. Отвары варила, чего-то там заговаривала...

– Значит, колдунья, – вставил слово Презя.

Все оживились.

– Так что ночью, девчонки, если вас кто-то в темноте схватит за зад, вы лучше сразу соглашайтесь, а то с призраками спорить бесполезно. – На реплику Прези все глупые подростки-переростки дружно засмеялись. – Какой вывод? – продолжал Презя. – Всем спать по двое, чтобы ночью за тобой не пришел вурдалак.

– Чего у тебя пить? В твоём спирте, как говорится, крови не наблюдается, – воспроизвела Бубликова где-то подслушанную заезженную шутку.

– Бублетта как всегда в своем репертуаре, – почти хором сказали Громова с Вилкиной.

– Да, десять майских дней вне общества это не хухры-мухры, – раздался гнусавый голос позади компании. – Да, в прочем, общество от этого ничего не потеряет, потому что вы – бесполезны.

Все повернулись к Сандрику.

– Ну вот, еще, можно сказать, не пили, а у Сандрика опять заскок пошел, – зло сказала Фобейко.

– Сандрик, – саркастическим тоном обратился к нему Презя, – а что бы сказал Егор Летов о том, что на последнем курсе на выпускной ты наденешь пиджак? Или так и придешь в балахоне?

Сандрик задумался и с серьезным лицом, растягивая слова, ответил:

– Я думаю, что Егор бы понял меня, потому что порой мы вынуждены подчиняться гнету чужих порядков. У Егора есть даже такой альбом «Тоталитаризм». Егор боролся...

– Взяли дурака с собой в дорогу, – опять прошипела Фобейко, – теперь мучайся с ним.

Слушать товарищей было скучно, и Телкин уставился на бубликовские коленки. «Интересно, почему у дур иногда такие красивые коленки? Интересно, какая Бубликова без всего?» Один раз Васе почти удалось «уломать» Бубликову пойти на нудистский пляж в Серебряный бор. Он долго уговаривал ее, а когда получил согласие, то ждал на автобусной остановке у метро. Час ждал. Два. Но Бубликовой не было. Потом он ей позвонил, а она сказала, что просто передумала. «Дура!.. Не могла раньше сказать, чтобы я не ждал столько!.. Хотя такая жен-

ская глупость – это очень эротично...», – так опять закончились переживательные размышления Телкина.

Доехали без происшествий. Станция, как полагается, была с большим серым перроном и прямоугольной табличкой на двух столбах. Прошли озеро, небольшой лес. Потом начался поселок. По бокам дороги высились двух- и трехэтажные дома. Кирпичные и деревянные. Свой дом нашли не сразу, для этого пришлось пару раз свернуть не в те повороты. И наконец – он.

Красота. Большой участок и не такое уж старинное строение. Дом двухэтажный, из бревен, достаточно длинный. Метрах в двадцати от калитки. Каменное крыльцо. Даже три каменных крыльца с разных сторон. Окрашено здание большей частью в зеленый свет. Спереди – сад. В дальнем конце участка хозяйственная постройка. Слева от калитки еще одна. Участок тоже довольно зелен. К главному крыльцу ведет аллея из высоких, в человеческий рост кустов.

– Смотри-ка, тетка-то ваша хоть и колдунья, а хозяйственным человеком была, – сказал Презя.

– Если уж на то пошло, – ответил Вася, – то это она отцу тетка, а мне получается сколько-то юродная бабка.

– А сколько ей лет было, когда умерла?

– Да старенькая совсем, наверно.

– А это что? – сказала Громова, показывая на ближний сарай, сложенный из бревен. – Там баня!

– Девчонки, сегодня вечером в баньке попаримся, – провозгласила Бубликова.

– Не только девчонки, – сказал Презя, – но и пацаны, все вместе.

Последним на участок зашел Сандрик. Когда ребята уже разложили свою поклажу на крыльце и Вася перебирал большую вязанку ключей в поисках нужного, Сандрик умудрился, ступив за сосну, начать ее орошать.

– Э! – крикнул Презя. – Ты мне панковский беспредел брось. В туалете это надо!.. А здесь я буду каждое утро делать зарядку. Не хочу, чтобы отовсюду пасло панковской мочой.

– Сандрик совсем сдурел, – четко и внятно произнесла Фобейко. – Зачем взяли?!

– Готово! – провозгласил Вася Телкин, открыв скрипучий замок. – Прошу пожаловать в дом!

Глава 2. Дом

Из дома пахнуло чем всегда пахнет из помещений, простоявших долго закрытыми, – лежалостью, сыростью, но запах этот оказался приятным.

– Надо было сначала запустить петуха или Сандрика, – сказал Презя. – Его бы ведьма, если что, и съела. А так первая зашла Бублетта, и теперь бабушка доберется до нее.

– Чур я не лягу на этой веранде, – сказала Бубликова, пропустившая мимо ушей Презину реплику. – Здесь все в стеклянных окошках, их выбить – раз плюнуть.

– Да кому ты, Бублетта, нужна? – продолжил Презя. – Кто к тебе в окно полезет? Ты ему скажешь: «Давайте договоримся на завтра», а сама не придешь. – Презя откуда-то тоже знал подобную черту Светинового характера, но Вася в тот момент почему-то не обратил на это внимания.

За верандой шла вторая комната, за ней третья маленькая. Из второй можно было двинуться в большую комнату слева или, повернувшись к ней спиной, увидеть длинный коридор.

– Да это целый замок Дракулы! – Василию определенно нравилось обретенное семейное гнездо. – Мы еще до середины дома не дошли, а ведь еще второй этаж!

– Да, Васька везунчик! За тебя теперь любая пойдет. Можешь смело жениться на Громовой. Разведешься, оставишь ей полдома, женишься на Бубликовой, потом ей полдома. И так в конце до всех, кого хотел, доберешься, и после всех разделов останется у тебя еще комнатка-другая, чтобы жениться на Фобейке...

Фобейко неприятно искривила лицо от Презиных шуток.

Презя продолжал.

– А Сандрика усыновите, он в саду у вас как истинный панк анашу посадит! – Презя сам громче всех закатился от своей шутки.

Мебель в доме присутствовала исключительно старая, не скажешь даже, каких годов. Однако видно было, что ей очень много лет. На ручках кресел, на диванах, на шкафах – океан пыли. Доски пола поскрипывали.

– Убираться заставим девочек. А когда они будут нагибаться с веником и совком в руках, будем за ними наблюдать, – предложил Тузиков. Презя с радостью поддержал товарища.

Когда убрали деревянный щит от окна одной из комнат, выходящей на другую сторону двора, стало видно второе каменное крыльцо.

– Вот здорово, целых три лестницы, – хозяину Васе это очень понравилось. – Когда человек идет с утра писать в туалет, он никого не будит шагами и шумом дверей.

– Ага... – сказала молчавшая долгое время Оля Елагина. – Но также ты не услышишь, если кто-то с той лестницы зайдет в дом.

Второй этаж оказался менее ухоженным. Казалось, что пыли здесь в два раза больше, чем на первом. Те же старые кресла. Складывалось впечатление, что потолок тут ниже и давит.

Со стороны фасада находился просторный балкон.

– У-у-у! Сколько всего видно! Всю округу. Эге-ге-ге-гей! На соседнем участке никого, и окна заколочены. Вот люди! Майские праздники, а они в Москве сидят! – Презя наблюдал окрестности. – О! У них там что-то вроде бассейна. Вот бы туда девицы приехали и плескались. Отсюда бы их было хорошо видно!

– У нас вон своих девиц немало. Надо скорее проводить тут легкие работы по обустройству и садиться пировать, – сказал Тузиков.

В той же комнате, в которой был балкон, находилось еще и окно, выходящее на крышу. Вид из него был не менее обширен. Можно было наблюдать калитку, дорожку от нее до дома и даже какие-то фрагменты из окружающих участков, правда, частично заслоненных деревьями.

Туалет находился за домом в дальнем конце участка. Был он деревянный и стоял рядом с сараем, который в свою очередь пристроился к небольшой каменной постройке – по-видимому, кухне.

– Родственница твоя, Василий, жила практически в усадьбе. Культурному человеку, даже если он иногда и любит выпить, сразу вспоминается бабка из «Бронзовой птицы». Помнишь такой фильм? – сказал в общем не двоечник Презя.

Вася прекрасно помнил это кино и даже когда-то читал книжку. В детстве он этот сюжет просто обожал и сейчас представил себе страшную, горбоносую старуху, которая заведовала усадьбой графа Карагаева. Старуху-то он помнил, а вот свою дальнюю родственницу никогда не видел.

Ребята бродили по большому дому по двое, по трое. Иногда перекликались или сталкивались в дверях проходных комнат.

– А ты знаешь, Вася, что у тебя там целая портретная галерея, – сказала Хотел, пришедшая с другой стороны второго этажа. – Может, у тебя тут и склеп фамильный есть?

И правда, в следующих трех комнатах, через которые прошла молодежь, на глаза им попались висящие на стенах фотопортреты двух женщин и мужчины.

Похоже, что на портретах женщина была одна и та же, только в разном возрасте.

– Смотри-ка, – сказал Презя, – а бабушка-то у тебя ничего была.

Женщина на портрете смотрела прямо и решительно. Темные волосы были собраны сзади в пучок. Никакого крючкообразного носа не было, нос, наоборот, совершенно прямой. На другом снимке тетка выглядела моложе и даже улыбалась. На ней красовалась шляпка, прядь волос, выбившихся с одной стороны, доходила до подбородка.

Мужчина на снимке был совсем седой и тоже смотрел довольно решительно. На нем красовался строгий черный костюм.

– Наверное, партработник, – сказала Хотел. – Скорее всего, ему такую домину в награду за что-нибудь отвалили.

В предпоследней комнате на втором этаже находилось что-то вроде чулана. Вася открыл его. Тут же на него вывалилась гора рухляди: старые тряпки, книжки, перевязанные тесемкой, журналы, альбомы. «Надо потом разобраться», – думал Вася, кое-как заталкивая все это обратно.

В доме присутствовала ванна. Немного ржавая, но все же в ней можно было при желании помыться.

– Ну, буржуи! Ну, буржуи! – Презя смотрелся в продолговатое мутное зеркало рядом с ванной. – Ей Богу, я уверен, что если тут поискать получше, то можно найти и полный бар.

На первом этаже на большой веранде решили устроить обед.

Коллектив расселся на стареньком диване, креслах и скрипучих стульях. С улицы позвали Сандрика. Он вошел, как будто обнюхиваясь, и сел рядом со входом.

– Ну что, Сандрик, очагов анархизма на участке не найдено? – Презя поднялся над столом, потирая руки. – Тогда подай-ка мне вон из того рюкзака бутылочку!

Когда желание президента «Заповедных ершей» исполнилось, и, несколько мгновений спустя, в руке его сверкнул складной стаканчик, в котором что-то плескалось, Презя решил произнести тост.

– Господа студенты, – сказал он, приковав к себе взгляды всей честной компании. – Я хочу поднять свой бокал за то, что мы все вместе собрались в этом гостеприимном доме у хорошо вам известного хозяина, – он показал стаканом на Васю Телкина, – известного на нашем курсе своими подвигами на женском фронте. У которого оказалась симпатичная и богатая бабушка-колдунья. И пусть нас тут съедят все вурдалаки на свете, если мы за эти праздники хорошенько не повеселимся.

– Молодец, Презя! Хорошо говорит, – вставила Света Бубликова.

– Да... – продолжал Презя, – ведь с нами такие девчонки! Девчонки, я очень надеюсь на то, что вы не дадите скучать вашему доброму старому президенту и будете благосклонны не только к миллионеру Ваське, но и к вашему покорному слуге.

Молодежь, в особенности женский коллектив, загудели в ответном порыве.

– Не бойсь, Презик, – сказала Хотел, – женщины тебя не покинут.

Студенчество подняло рюмки и вновь чокнулось молодостью.

– Как странно, – сказала Оля Елагина, – как все происходящее похоже на американский фильм ужасов: молодежь приезжает на отдых, и с ними там обязательно должно начать что-нибудь происходить. Как стемнеет, кто-нибудь должен обязательно следить за ними и по очереди убивать.

– Ну, не чернушничай, – сказал Вася бывшей возлюбленной.

– Десять негрятят... – вдруг прошипел Презя, хватаясь за горло и, как слепой, ища рукой, за что ухватиться, – в «Десяти негрятях» я бы должен был откинуть копыта уже за обедом. Кстати, никто не видел, на стенах не развешаны детские считалочки?

– Ага, – загоготал Тузиков, – один любил бухать, и их осталось пять. Ха! Ха!

– В любом случае, повторюсь: дорогие дамы, кому страшно будет ночью, приходите ко мне. Только по очереди, – опять подал голос Презя.

– Фу!

– Презя, какой же ты пошляк, – сказал Телкин. – Спите, девушки, спокойно, ваш сон будет охранять настоящий рыцарь, то есть я...

Глава 3. Пообвыклись

Так здорово получилось, что на майские праздники была отличная погода. Солнце сияло ничем не хуже, чем летом. Присутствовало ощущение, что очень жарко. Все переоделись в майки, шорты или юбки. Только Сандрик по-прежнему сидел в черном балахоне «Гражданская оборона».

– Сандрик, ты не спреешь? – спросила его Фобейко.

Сандрик что-то буркнул под нос.

– Панк не может себе позволить надеть шорты, – пояснил Презя. – Долг панка никогда не снимать униформу. И только когда он поймет, что запах от его балахона мешает не только окружающим, но и ему самому, то по панковскому кодексу ему разрешается переодеться в черную майку, но обязательно с такой же надписью. Да, Сандрик?

– Ты бесполезен, – мрачно сцедил Сандрик.

– Сандрик, – сказал Вася, – там наверху, по-моему, есть томик Бакунина. Тебе обязательно надо туда заглянуть.

– Ребята! – прервала его Бубликова. – Ребята! Девчонки! Я хочу загорать! Я что сюда приехала – про панков слушать?! Я хочу загорать! Полезли через окно на крышу, расстелим там чего-нибудь и будем загорать. Я бы даже позагорала без лифчика, если бы парни за нами не увязались. – Последнюю фразу она добавила чуть тише.

– О! – радостно возопил Презя. – Без лифчика? Никогда не перестану восхвалять алкоголь, и это опять его благое действие! Идите, идите, девушки, мы не будем подглядывать! – и он подмигнул Телкину.

– А мы чем займемся? А нам что делать?! – возопили хором отвергнутые парни.

– Дел очень много, – обстоятельно начала Бубликова, – займитесь уборкой по дому, придумайте что-нибудь с отоплением на ночь – все же в доме похолоднее, чем на улице, и займитесь баней.

– Да, – присоединилось к Бубликовой одно из первых Васиных мечтаний, Громова, – а мы пойдем загорать, и чтобы, когда я вернусь смуглой как мулатка, дом блестел и благоухал.

Делать было нечего – ребята занялись уборкой, а девушки исчезли по комнатам и через какое-то время появились в ярких купальниках.

– Держите меня семеро! – кричал Презя. – Хотел, ты богиня!

– Татьяна, я не ожидал, что у тебя такая фигура, – это вмешался футбольный фанат.

Василий просто молчал, не зная, на ком остановить взгляд.

Даже Сандрик, казалось, заинтересовался происходящим и вынул из одного уха наушник.

Громова была в зеленом купальнике. Складывалось впечатление, что она уже где-то загорела. У купальника был такой верх, что автоматически хотелось дожидаться, когда Еленина пышная грудь из него выскочит.

– О, Громова! Громы и молнии!.. – вырвалось у Телкина.

На Бубликовой купальник был белый, почти прозрачный. Вася знал, что если девушка в таком купальнике будет выходить из воды, то считай, всему пляжу показана бесплатная эротическая программа. И даже на Вилкиной темно-синие бикини смотрелось отлично. Несмотря на то, что Вилкина сутулилась, фигура ее выглядела обстоятельно из-за неплохих бедер. А на Котельниковой, как ни странно, купальник был закрытый.

– Мальчики, глаза сломаете, – сказала Громова немного манерно.

Девушки взяли пляжные подстилки и пошли на второй этаж, чтобы начать процедуры.

Презя изложил план действий.

– Итак, пацаны, ждем, пока они разденутся, и айда чинить баню – оттуда вся крыша должна быть как на ладони. А Сандрик может остаться здесь и вдоволь порукаблудствовать.

Взяв веники и тряпки, мужская часть коллектива отправилась к деревянному срубу. Телкин шел, и на каждом шагу его преследовало сильное желание оглянуться и посмотреть на крышу, где под ярким солнцем лежали институтские красавицы.

– Ну, господа, можно! – скомандовал Презя, и ребята разом повернулись лицом к дому.

Зрелище было крайне приятным, но недолгим. Девушек было видно несмотря на высокий куст и деревья, стоящие у крыльца. Институтские красавицы, лежавшие на спине, завидев ребят, почти синхронно перевернулись на живот. Мгновение было коротким, но поразило избранных. Вася увидел грудь Громовой...

– Нимфы! – сказал Тузиков.

– Богини! – присоединился к нему Презя.

Телкин промолчал, только лишь вздохнул.

– Одна Фобейка, зараза, в лифаке осталась, – заметил Презя.

Но Тузиков был категоричен:

– Спасибо ей за то, что у нее есть совесть, и она заботится о нашем чувстве прекрасного.

Глава 4. Вечер первого дня

Жара сменилась легкой прохладой. Мужская часть коллектива утомилась: как-никак адаптировать дом и баню к жизни – дело не из легких. Компания опять расселась на веранде первого этажа.

– Тем, кто столько работал, полагается немного выпить, – сказал Презя. – Сегодня даже Сандрик показал себя достойным человеком – вытер тряпкой весь второй этаж, и за это ему объявляется большое анархическое спасибо. Шурик же Тузиков проявил чудеса технического знания и починил часы с маятником, что висят на первом. Но, господа, есть и небольшое осложнение: я, простите за подробность, видел, что Сандрик опять ссытся, не доходя до туалета, у деревьев. И я вынужден повторить, господа, что отовсюду будет пахнуть панковской мочой.

– Через это Сандрик надеется приобщить нас к панк-культуре, – вмешался Телкин. – Но прошу всех не поддаваться на провокации, сейчас мы включим магнитофон и начнем диско-те-ку!

Это была прекрасная мысль. Вскочили и стали расчищать пространство. На улице быстро темнело. Уже не верилось в то, что весь день была такая жара и благодать.

Магнитофон включили в розетку. Оттуда зазвучало «Prodigy». Молодежь ударилась в буйные танцы. Вася Телкин скакал, как оглашенный, на ходу придумывая движения. Танец Прези был синтезом украинского гопака, русских и латинских танцев одновременно. Девушки, глядя на него, смеялись и хлопали в ладоши. Сандрик сидел в углу и не участвовал в общем веселье.

– Женщины, – сказал Телкин, – будьте людьми, пригласите представителя другого крыла молодежи.

Но никто не обратил на его слова никакого внимания. Вася сел на диван и стал наблюдать за танцующими девушками. Громова двигалась однообразно, но очень эротично. Бубликова вытворяла движения в духе фильма «Криминальное чтиво». Это выглядело заезженно и пошло, и Вася перевел взгляд на улицу.

В доме напротив никого не было, в доме, что справа, тоже абсолютно темно. Дом слева заслонен от глаз большим серым сараем. На улице за забором горел один тусклый фонарь.

Рядом на диван плюхнулась запыхавшаяся Громова.

– Почему не танцуешь? – спросила Васю, и при этом грудь ее так вздымалась, что Вася прослушал вопрос.

– А? Чего? – переспросил он.

– Ах, Телкин, Телкин, – сказала Лена, – и даже фамилия у тебя кобелиная.

«Как она это сказала! – осенило Васю. – Как-будто с чем-то смирясь...»

– Лена, а ты не потанцуешь со мной медленный танец?

– От чего же не потанцевать?

Настала пора медляков. Пары закружились по комнате при выключенном свете. Только мерцание уличного фонаря и огонек от магнитофона присутствовали в этой темноте, и еще дыхание Громовой... и тонкий аромат ее духов.

Василий забылся от счастья. Лена ему где-то по плечо, и так близко прильнула к нему...

– А Оля уже не ревнует тебя? – спросила Громова тихо.

– Нет, ты что.

– А что ты чувствовал, когда вы с ней расстались?

– Ну что почувствовал? Что почувствовал? Не по себе, конечно, было, а потом привык.

– А ты ее любил?

– Ну, Ленуль, у тебя и вопросы!

Она на секунду замолчала. А потом спросила опять:

– А как ты относишься ко мне?

– К тебе? Крайне положительно... Ты такая красивая... ты такая... такая, в общем...

– Да ну тебя. Трепло ты. И от меня бы, небось, сбежал.

– От тебя? Ты что, Лена! От кого-кого, но от тебя никогда бы. Ни-и-когда!

– Да врешь ты все... – сказала она. Но было видно, что стрекотание Телкина было не совсем напрасно.

– Лен, а Лен!

– Чего?

– А давай сегодня с тобой, когда все лягут спать, встретимся и поболтаем. Может, прогуляемся. А?

– Где? По улицам? Там страшно.

– Ну давай дома на балкончике постоим.

И в это время танец закончился. Включили свет.

– Что это вы там, голубки, заворковались? – спросила Бубликова. – Похоже, у вас любовь...

Половина компании переместилась в другую комнату смотреть маленький переносной телевизор с длинной рапирой-антенной. Его привез Тузиков. Он не мог себе позволить пропустить ни одного футбольного матча.

– Зачем я сегодня баню чистил, приводил в приличный вид?! Все равно никто в нее не пошел! – ругался Презя, который только что танцевал медленный танец с Хотелом.

– Ничего, – ответил Вася. – Не сегодня, так завтра пригодится.

Он обратил внимание на сидящего в углу Сандрика. Сандрик был по-прежнему в наушниках, но в руках его пребывала неизвестная книжка.

– Сандрик, ты что там читаешь? Бакунина откопал?

Сандрик продемонстрировал старую записную книжку большого формата.

– Так... Дневники чьи-то, – сказал он, – наверху нашел.

– Дневники он читает! Может, это дневник моей сколько-то юродной бабушки, может, тут описание ее интимных мыслей, может, тут она о любовниках своих писала. Это семейная тайна, а ты читаешь! – с этими словами Телкин вырвал книжку и повертел ее в руках.

Ничего особенного. Испещрена мелким почерком, но при желании можно разобрать.

– Впредь читай Бакунина, а не чужие мемуары, – отчитал для приличия еще раз Вася Сандрика и отнес записную книжку в комнату, в которой собирался ночевать.

Презя выпил достаточно пива и, обняв Хотела, сидящего у него на коленях, убеждал ее с ним поцеловаться.

– Ну, Хотельчик, ну, пожалуйста, поцелуй своего президента, а он тебе за это окажет милость.

– Какую еще милость? – смеялась Хотел, – У президента уже глаза закрываются, ему надо баиньки.

– Ну, дорогая, – не унимался Презя, – у тебя такая потрясающая грудь, я сегодня был просто покорен.

– Ах, грудь! Ты сегодня нагло за нами подглядывал, а я тебя еще и целовать должна?

Да, Презя Котельниковой всегда нравился. Она чувствовала в нем родное. Должно быть, видела в вечно пьяном пузатом молодом мужичке генетически до боли знакомое. Когда-то она, как было указано выше, отдалась ему без остатку, но жизнь наша так мельтешит событиями, что мы порой забываем даже самое важное.

Через полчаса ребята стали потихоньку расходиться по комнатам. До конца выяснили, кто и где спит. Кто-то захотел спать на втором, кто-то на первом этаже. А Васе все же удалось

выклянчить у Громовой свидание на балконе. И когда последние голоса утихли, он ожидал свою избранницу у открытой на ночной пейзаж двери.

Дольше всех не унимался Презя.

– Хотельчик! – кричал он. – Ну, может, все-таки... А? Ну, пожалуйста, Хотельчик!

А когда понял, что никто к нему не придет, напоследок выкрикнул:

– Внимание! Бойтесь призраков и вампиров! Бойтесь призраков и вампиров! – и резко захлопнул дверь.

Громова пришла уже в халате, и от нее вкусно пахло зубной пастой. Они с Васей облокотились на балкон, и начали беседовать на отстраненные темы.

– Какая романтика! – поэтично то ли сказал, то ли выкрикнул Телкин. – Хочется читать стихи, хочется совершать поступки...

– Нет, лучше просто поговорить, – сказала Громова.

Небо было звездным. Виднелись черные деревья, их покачивало ветром. Черные дома. Было совсем тихо. Не слышно гула электричек. Наверное, слишком далеко они ушли от станции.

– Ты такая красивая, – завел старую песню Вася.

– Ну, красивая.

– А ты веришь в призраков? – неожиданно даже для самого себя спросил Телкин.

– А что это тебя вдруг интересует?

– Просто так. Обстановка действует. С тобой когда-нибудь случались необъяснимые вещи?

Лена задумалась.

– В призраков я, пожалуй, не верю, а вещи необъяснимые все же бывают. Мне подруга рассказывала... ты ее не знаешь, она у нас из Иваново... К ней приходил домовый, наваливался на нее и душил. Она серьезная, не алкоголичка какая-нибудь и на сумасшедшую тоже не похожа. И сама говорит, что атеистка ярая всегда была и во все такое не верила... А вдруг открывает ночью глаза... Темно и дышать не может. Как будто на грудь кто-то лег, ни рукой, ни ногой пошевелить не может. И голос ей какой-то нашептывает. Она собралась с силами, повернула голову и видит, что на подушке рядом с ней сидит черная кошка. И она понимает вдруг, что это ей кошка нашептывает. Правда, что нашептала – она так и не могла вспомнить. Говорила только что-то непонятное. А кошки-то у нее дома и не было вовсе. И так с ней несколько раз было: то кошка являлась, то женщина в черном. Постоит, постоит в углу и пропадает. В общем, не выдержала подруга, даже ко мне ночевать прибегала.

– Ну а дальше что?

– А дальше квартиру эту поменяла, а все это время по знакомым жила.

– И больше ей никто не являлся?

– Нет. Больше никто.

– Да... страшно, – Вася подвинулся ближе к Громовой и тихо положил ей левую руку на талию.

– Страшно... – сказала она.

И тут Вася приблизил к ней лицо и медленно поцеловал в губы. Конечно же, она не сопротивлялась. А зачем еще согласилась на вечернее свидание? Хотя у женщин логика иногда странная...

Правая рука Телкина легла ей на грудь. Было видно, что Громова немного стесняется. Целовалась она так себе. И Вася перешел на покрытие поцелуями ее шеи. Голова Лены отвернулась в сторону, облегчая задачу. Телкин коснулся ее кожи. И вдруг Громова еле слышно прошептала:

– Что это?!

Вася прервал свое занятие и непонимающим взором уставился туда, куда показывала Лена.

Сначала он ничего не увидел, но потом различил, что небольшая фигура, облаченная в белое, не ступает, а как будто плывет в дальнем конце участка. Плывет медленно, а белое на ней очень похоже на длинную ночную рубашку.

– Что это?! – так же, как только что Громова, прошипел Вася и посмотрел на Громову. Громова уставилась на него. Потом они вместе опять поглядели на то место, где только что была фигура. Но там ничего уже не наблюдалось.

Лена и Вася еще на всякий случай переглянулись, а потом, не сговариваясь, вошли с балкона в комнату, и Вася закрыл дверь.

Он хотел взять Лену за руку, чтобы оставить вместе с собой, но она медленно высвободила руку и удалилась в апартаменты к подругам.

Вася остался в небольшой комнатке, которую облюбовал для себя еще днем, в ней он оставил записную книжку. Дверь в этой комнате закрывалась на ключ.

Вася постелил белье. Не глядя в окно, зашторил его и лег в постель. Сон долго не шел. В голову лезли разные мысли. Наконец, когда он уже начал засыпать, Васе стал мешать какой-то звук. В ночи тикали часы с маятником, починенные Тузиковым. Это был привычный звук, но что-то было и кроме него. А что, Вася долго не мог определить. Наконец он понял: этот другой звук – детский плач.

Глава 5. На следующий день

– Ку-кареку-уу!!! – это проснулся Презя. Он по пояс высовывался из окна второго этажа и оглашал округу радостью пробуждения.

В доме на разных этажах зашевелились. Телкин открыл глаза. Как он вчера заснул – непонятно. Столько загадочных потрясений. Кто был в саду? Что мерещилось ночью? Что за звуки?

День смел воспоминание подчистую, спалил ярким светом – лучи солнца перечеркнули «вчера» наискось.

День предвещал быть еще более жарким.

«Этак я не выдержу и полезу купаться», – подумалось Телкину.

С кем-то из компании Вася встретился у умывальника.

– Ну, как спалось? Вампиры не задрали? А призрак бабушки не видел? – с ходу начал Тузиков.

Презя продолжал пребывать в радостном настроении, впрочем, как всегда. Намазал щетку пастой, начал скоростные движения. И похмелье, по-видимому, его не мучило.

– У меня в комнате такие окна были запотелые, что я ничего поутру не разглядел. – Презя иногда любил самоиронию. Наверное, поэтому его и избрали президентом «Ершей».

Позавтракали. Телкин обменивался с Громовой взглядами и по ним не мог определить, серьезно ли она отнеслась ко вчерашнему. После завтрака всей гурьбой пошли обследовать окрестности.

Дошли до озера.

– Красота какая! – сказал Презя. – Так и хочется занырнуть, да, боюсь, организм не справится без допинга.

Тут и там попадались люди. Видимо, соседи по поселку. В основном старички и старушки.

– Что-то тут молодежью кроме нас и не пахнет, – сказал Тузиков.

– А зачем нам молодежь? Наши женщины всем женщинам женщины, – констатировал факт Презя.

Вид озера – красота. Сосны вокруг. Озеро заканчивалось большим мраморным мостом. За ним ухал водопад. Посредине озера расположились небольшие островки. Вода спокойная. Перемещалась величаво, не спеша, только ближе к мосту казалось, что она убыстряется.

Обедали супом, который сварила Фобейко. Дружно выпили по сто. Телкин после обеда поднялся к себе наверх и, улегшись на диван, решил отдаться послеобеденному сну.

«Кто же это все-таки был? – не отпускали мысли. – А вдруг оно так же спокойно проплывет по второму этажу сегодня ночью?»

И тут он ни с того ни с сего вспомнил про записную книжку. Потянулся рукой, взял ее со стола.

Открыл на первой странице и начал чтение.

Записная книжка представляла собой дневник. Нехорошо читать чужие дневники. Но когда очень хочется, то, наверно, можно. Почерк – явно мужской.

«Почему?! Почему так хочется все это записать?! Наверно, чтобы быть точно уверенным, что это чудо хоть как-то запечатлено. Что не исчезнет без следа вместе с моей памятью. Или я хочу запечатлеть навсегда историю нашего знакомства? Не поэтому ли я стал писателем?»

Такое божество как Оксана заслуживает, чтобы портреты с нее писал Микеланджело! Ах, если бы я умел писать красками или лепить!

Итак, я точно помню, когда увидел ее впервые – настоящее эстетическое потрясение. Конечно же, это случилось на пляже у нашего озера. Народу была тьма тьмущая. Все лежали

попами кверху и загорали. Из Москвы приехали, и отсюда тоже со всех окрестностей подтянулись. Ничего не попишешь – жара (хотя «ничего не попишешь» – это явный литературный штамп, впрочем, «попы» – тоже явно нелитературно).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.